

ДАНИЭЛА СТИЛ

По велению
сердца

Даниэла Стил

По велению сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=605315

Даниэла Стил. По велению сердца: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-45556-0

Оригинал: Danielle Steel, "Matters of the Heart"

Перевод:

С. Б. Володина

Аннотация

Когда успешная фотохудожница Хоуп Данн приехала в Лондон, чтобы провести фотосессию с известным молодым писателем Финном О'Нилом, она даже предположить не могла, как эта встреча изменит всю ее дальнейшую жизнь. Финн мгновенно влюбляется в очаровательную женщину и приглашает ее погостить в своем уединенном ирландском поместье. Хоуп не может устоять перед его обаянием, и поначалу их будущее видится ей в самом радужном свете, но очень скоро чары любовного наваждения начинают рассеиваться...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Даниэла Стил

По велению сердца

Эта книга для меня совершенно особенная, и я посвящаю ее моим чудесным детям: Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Макс и Заре, которые были рядом на протяжении практически всей моей сознательной жизни и писательской карьеры и которые составляют величайшее счастье и смысл всего моего существования.

Эта книга является сотой по счету – если считать мои неопубликованные ранние романы, изданные и неизданные произведения, не являющиеся беллетристикой, поэтический сборник, детские книги, которые я писала для своих детей, – словом, все то, что вышло из-под моего пера. Этим волнующим моментом в моей писательской жизни я в значительной степени обязана бесконечной, непреходящей, преданной, любящей и терпеливой поддержке со стороны моих детей. Без их любви и поддержки я бы ничего не достигла. Так что эту книгу я от всей души и от чистого сердца, с большой признательностью и нежностью посвящаю им.

Еще в этот знаменательный момент не могу не сказать слов глубокой признательности тем дорогим мне людям, без которых все это было бы невозможно, – моему восхитительному агенту и другу Морту Дженклоу, моему бессменному редактору и подруге Кэрол Барон, моей обожаемой помощнице Нэнси Айзенбах, которая с фантастической доскональностью добывает для меня весь тот материал, что делает книгу правдивой, и с которой мы дружим с самого детства. А также моим издателям, редакторам и тебе, мой дорогой читатель, – без всех вас ничего этого бы не было.

Всем вам в этот особенный для меня момент отдаю свое сердце, свою самую искреннюю признательность и любовь. А больше всего и прежде всего – моим детям, ради которых я пишу, живу и дышу и которые делают каждое мгновение моей жизни бесценным.

С любовью, Д. С.

Глава 1

Хоуп Данн шла по Принс-стрит в нью-йоркском районе Сохо. Тихо падал снег. Было семь часов, магазины только что закрылись, и привычная магазинная суета стихла, чтобы наутро возобновиться с прежней силой. За два года Хоуп успела полюбить этот модный район Манхэттена, он казался ей более привлекательным, чем центр города. В Сохо много молодежи, всегда есть что посмотреть и с кем поговорить. В том, что жизнь здесь бьет ключом и улицы всегда залиты светом витрин, Хоуп убеждалась всякий раз, когда покидала свое пристанище, квартиру в перестроенном производственном здании – то, что называется модным словом «лофт».

Стоял декабрь, предрождественская неделя, самое нелюбимое для Хоуп время в году. Вот уже несколько лет эти дни не ассоциировались у нее ни с какой радостью, и она набиралась терпения и ждала окончания праздников. Два предыдущих Рождества она провела, работая добровольцем в приюте для бездомных. А за год до этого она была в Индии, где этому празднику вообще не придают значения. Тогда возвращение в Штаты явилось для нее шоком. После Индии здешняя жизнь показалась насквозь пронизанной корыстью и лишеной содержания.

Индия круто изменила ее жизнь, а возможно, даже и спасла. Хоуп сорвалась внезапно и отсутствовала полгода. Возвращаться в американскую действительность оказалось делом неимоверно трудным. Она не вернулась в Бостон, где жила до отъезда, а поселилась в Нью-Йорке, тем более что перед поездкой съехала с квартиры и сдала вещи на хранение. Для Хоуп было не так важно, где жить, она работала фотографом, и ее дело всегда было при ней. В данный момент ее индийские и тибетские фотографии были выставлены в одной престижной галерее. Некоторые другие ее работы даже экспонировались в музеях. Критики зачастую сравнивали ее со знаменитой Дианой Арбус. Ее героями чаще всего становились обездоленные и несчастные. Хоуп умела так передать застывшее в глазах страдание, что при одном взгляде на снимок у зрителя будто вынимали душу – точно так же, как переворачивалось все в душе у нее самой, когда она эти фотографии делала. В своей области Хоуп достигла больших высот, но по ней ни за что нельзя было догадаться, что она признанный во всем мире фотограф.

Всю свою жизнь Хоуп посвятила наблюдению за людьми, фиксируя различные проявления человеческой натуры. А для этого, как она не уставала повторять, надо научиться вмиг исчезнуть, стать невидимкой, чтобы никак не влиять на своего героя. И опыт, обретенный ею за то чудесное время, что она провела в Индии и Тибете,шний раз это подтверждал. Во многих случаях Хоуп Данн научилась быть человеком-невидимкой, и при этом она являла собой заметную фигуру в искусстве и обладала незаурядными личными качествами. От нее исходил какой-то внутренний свет и сила, которые, казалось, заполняют все вокруг.

Сейчас она шагала по Принс-стрит под снегом. Случайная прохожая попала навстречу, и Хоуп улыбнулась. Погода благоприятствовала более длительной прогулке, и она пообещала себе, что чуть позже непременно прогуляется еще. Хоуп не жила по какому-то графику и ни перед кем не отчитывалась. Это было главное достоинство ее холостяцкой жизни – полная свобода действий и поступков. Она была женщиной абсолютно независимой, но во всем, что касалось работы, и в отношении к своим героям исповедовала железную дисциплину. Иногда она, в простой футболке и джинсах, садилась в метро и отправлялась в Гарлем, бродила там по улицам и снимала детей. У нее уже был опыт фотографирования детей и стариков в Южной Африке, где ей тоже довелось пожить. Сейчас она редко бралась снимать за деньги, чаще она отправлялась туда, куда ее звало сердце. Иногда она делала модные фотосессии для «Вог», но только если в заказе было что-то неординарное. В основ-

ном же для журналов она снимала важных особ, если они представлялись ей самой содержательными и интересными личностями. У нее уже вышел солидный альбом фотопортретов, другой был посвящен детям, а вскоре должен был увидеть свет еще один с ее индийскими фотографиями.

К счастью для себя, Хоуп могла позволить себе заниматься тем, что было ей интересно. Не хвататься за первый подвернувшийся заказ, а выбирать из множества поступающих предложений. И при всей любви к официальным портретам теперь она бралась за такую работу не чаще одного-двух раз в год. Гораздо больше ее сейчас занимали фотографии, которые можно делать просто на улице или в поездках и путешествиях.

Хоуп была миниатюрной женщиной с фарфорово-белой кожей и черными, как смоль, волосами. В детстве мама посмеивалась над ней, называя Белоснежкой, и была недалеко от истины. В ней всегда было что-то сказочное. Миниатюрное сложение, как у Дюймовочки, и необычайная гибкость, позволявшая свернуться клубочком в уголке и сидеть незамеченной. Но что особенно поражало в ее внешности, так это синие глаза. Густо-синего цвета, с оттенком фиолетового, какими бывают самые ценные сапфиры из Бирмы или Цейлона, эти глаза были полны сострадания к людским горестям и страданиям, коих она повидала немало. Всякий, кому доводилось видеть выражение этих глаз, сразу понимал, что эта женщина много пережила, но с честью вышла из испытаний, сохранив достоинство и благородство. Перенесенная боль не ввергла ее в депрессию, а наоборот, подняла до высот смирения и гармонии с миром. Не будучи буддисткой, Хоуп разделяла философию этого вероучения и не пыталась сопротивляться обстоятельствам, а плыла по течению, позволяя жизни нести ее от одного переживания к другому. Эта глубина и мудрость сквозили и в ее работах – готовность принять жизнь как она есть и не стремиться изменить ее в своих интересах – то, над чем человек не властен. Хоуп легко отказывалась от того, что любила, – самая сложная задача из тех, что выпадает человеку. И чем больше она жила, чем больше училась и постигала, тем глубже делалось ее смирение. Один встреченный в Тибете монах назвал ее святой женщиной и был близок к истине, хотя Хоуп и не исповедовала ни одного из официальных вероучений. Если она во что и верила, то только в жизнь, которую принимала с благодарностью. Она была как гнущийся на ветру камыш, прекрасный и стойкий.

Хоуп подошла к подъезду. Снегопад усилился. На плече у нее висел кофр с камерой, там же лежали ключи и бумажник. Больше она ничего с собой не носила, косметикой не пользовалась, только иногда подкрашивала губы, отчего делалась еще больше похожей на Белоснежку. Иссиня-черные волосы она зачесывала гладко назад и стягивала либо в конский хвост, либо в косу или пучок, в распущенном же виде они доходили до пояса. Изящество в движениях делало ее похожей на девочку, да и на лице морщин практически не было. По паспорту Хоуп уже стукнуло сорок четыре, но ей никак нельзя было дать ее годы, она всегда выглядела намного моложе. Как ее фотографии и запечатленные на них лица, она оставалась вне времени. Достаточно было одного взгляда на эту женщину – и уже трудно было отвести от нее глаза, хотелось любоваться ею до бесконечности. В одежде Хоуп избегала ярких тонов и почти всегда была в черном, словно затем, чтобы не отвлекать на себя своих будущих героев, но в жарком климате она, конечно, предпочитала белый цвет.

Открыв ключом дверь подъезда, она энергичным шагом поднялась к себе на третий этаж. Она озябла и теперь с радостью входила в дом, где можно было согреться, хотя из за высоких потолков и больших окон в квартире порой гуляли сквозняки.

Хоуп зажгла свет и, как всегда, с удовольствием оглядела свой спартанский интерьер. Цементный пол был выкрашен в черный цвет, диван и мягкие кресла обиты светло-кремовой тканью, словом, ничто в обстановке ее жилища не резало глаз. В этой простоте было что-то от дзен-буддизма. А по стенам повсюду висели огромные черно-белые фотографии в рамках, ее любимые работы за долгие годы творчества. Самую длинную стену украшал цикл

фотографий юной балерины, сделанных в движении. Девушка на снимках была необычайно хороша собой, изящная белокурая танцовщица не старше девятнадцати. Это была замечательная серия, часть личной коллекции Хоуп. По другим стенам во множестве висели фотографии детей, были и снимки индийских монахов, которых она фотографировала в ашраме, где проходили ее духовные искания, а также два огромных портрета государственных деятелей высшего ранга.

Квартира, можно сказать, являла собой галерею ее работ, а на длинном белом лакированном столе была в строгом, почти хирургическом порядке выложена на мягких подложках вся аппаратура. Для больших заказов Хоуп обычно брала ассистентов со стороны, но в большинстве случаев предпочитала делать все сама. С ассистентами, конечно, было легче, но они сильно отвлекают. Любимым фотоаппаратом Хоуп Данн была купленная сто лет назад «Лейка». Для студийной съемки она использовала также «Хассельблад» и «Мамию», но старая камера оставалась ее самой любимой. Фотографировать Хоуп начала еще в девять лет. В семнадцать поступила на специальные курсы фотографии при колледже Брауна, которые с блеском закончила через четыре года, представив в качестве дипломной работы впечатляющий ближневосточный проект. После диплома она год проработала в качестве коммерческого фотографа и успела за это время выйти замуж, но потом на долгих двенадцать лет практически выпала из профессии и довольствовалась единичными заказами от случая к случаю. Однако в последние десять лет Хоуп вернулась к любимому делу, и именно эти годы принесли ей мировую известность и все крепнущее признание. К тридцати восьми, когда Нью-Йоркский музей современного искусства устроил выставку ее работ, она была уже известным фотографом. Настал ее звездный час.

Хоуп зажгла кругом свечи и погасила верхний свет. Удивительным образом эта квартира действовала на нее умиротворяюще. Вместо спальни у нее была небольшая антресоль над лестницей с узкой односпальной кроватью, и Хоуп нравилось, засыпая, оглядывать сверху свое жилье, от этого у нее возникало чувство полета. Этот лофт разительным образом отличался от всех ее прежних квартир, в чем было еще одно его преимущество. Хоуп всегда страшилась перемен, но на этот раз встретила их с легким сердцем. Приняв то, чего всегда боялась, она поняла, что внутренне сделалась сильнее. Всю жизнь ее преследовал страх утраты и перемен, но теперь она научилась принимать их с достоинством и мужеством.

В дальнем конце квартиры располагалась небольшая кухня с черной гранитной отделкой. Скорее по обязанности, чем для того, чтобы утолить голод, Хоуп прошла на кухню и разогрела себе суп из банки. Ей было лень заниматься стряпней, она годами жила на супах, салатах и яичнице. В тех редких случаях, когда у нее пробуждался аппетит к настоящей еде, Хоуп в одиночестве отправлялась в какой-нибудь незатейливый ресторан и, не рассиживаясь, съедала незамысловатый ужин. Кулинария никогда не была ее сильной стороной, да она и не скрывала этого. Она считала готовку пустой тратой времени, ведь в мире так много других интересных вещей – сначала это была семья, теперь – работа. В последние три года вся ее жизнь свелась к работе. Своему делу она отдавалась всей душой, и это приносило результат.

Хоуп поглощала свой суп и смотрела на падающий за окном снег, когда зазвонил телефон. Она отставила тарелку и достала мобильник. Звонков она не ждала, но, услышав в трубке голос своего агента Марка Веббера, улыбнулась. Давненько от него не было вестей.

– Слушай, ты сейчас где? В каком часовом поясе? Я не разбудил? – В ответ Хоуп рассмеелась и пересела на диван. С тех пор как она десять лет назад вернулась к работе, Марк бесшумно представлял ее интересы. Обычно он добывал для нее коммерческие заказы, но к ее более глубоким творческим проектам относился с не меньшим уважением. И любил приговаривать, что в один прекрасный день она будет признана одной из самых значительных современных фигур в американской авторской фотографии. В каком то смысле его пророче-

ство уже сбывалось, ведь Хоуп пользовалась заслуженным признанием как галерейщиков, так и коллег по цеху.

– Я в Нью-Йорке, – с улыбкой промолвила она. – И ты меня не разбудил.

– Разочарован. Я думал, ты в Непале, на худой конец – во Вьетнаме, а то и вовсе в какойнибудь дыре. Удивлен, что ты здесь. – Он помнил, что Хоуп терпеть не может праздников, и знал почему. На то были свои причины. Но она была женщиной неординарной, стойкой, как оловянный солдатик, и к тому же его хорошим другом. Марк искренне любил ее и восхищался ею.

– Похоже, какое то время я здесь проторчу. Вот сижу, любуюсь снегом. Красиво! Попозже думаю выйти поснимать. Чтонибудь в старомодном стиле.

– Да ты что, там же мороз! – предостерег он. – Смотри, не простудись! – Марк был одним из немногих, кто о ней искренне заботился, и это ее трогало. В последние годы она так много разъезжает, что связи со старыми друзьями потеряны. После колледжа она жила в Бостоне, но, вернувшись из Индии, решила осесть в Нью-Йорке. Хоуп всегда была одиночкой, а сейчас – больше, чем когда либо. Марка это беспокоило, но он видел, что ее такое положение дел вполне устраивает.

– Я только что вошла, – пояснила она, – и как раз ела куриный супчик.

– Моя бабуля тебя бы похвалила, – опять улыбнулся Марк. – Скажи ка мне, красавица, каковы твои ближайшие планы? – О том, что у нее в работе нет никаких коммерческих проектов, он, разумеется, знал, ведь все заказы шли через него.

– Да ничего особенного. Вот... собиралась праздники провести в доме на Кейп-Коде. Там сейчас здорово. – Хоуп говорила о мысе Кейп-Код на Атлантическом побережье Штатов, знаменитом своими песчаными пляжами.

– Очень весело, скажешь тоже! Только тебе может такое в голову прийти. Да там в это время года от скуки помереть можно! У меня для тебя предложение получше. – В его голосе появились знакомые интригующие нотки, и Хоуп рассмеялась. Она хорошо знала Марка и тоже любила его как брата.

– Например? Опять хочешь меня втравить в авантюру, а, Марк? Что теперь придумал? «Лас-Вегас перед Рождеством»? – Оба расхохотались, представив себе, как бы это могло выглядеть. С Марком такое случалось, в его голове порой рождались самые немыслимые затеи, но Хоуп их всякий раз отвергала. При всем том надо отдать Марку должное, он честно отработывал свой хлеб. Своим потенциальным клиентам он так и говорил: «Обещать не могу, но буду стараться».

– Не угадала. Хотя, на мой взгляд, прокатиться в Вегас на праздники было бы недурно. – Хоуп знала, что Марк обожает играть и время от времени летает в Вегас и в Атлантик-Сити. – На самом деле все вполне респектабельно и в высшей степени благопристойно. Сегодня мне звонили из одного крупного издательства. Нужно срочно сделать портрет одного известного писателя для обложки его новой книги. Правда, книгу он еще не сдал, но вот-вот закончит, и издательство хочет уже сейчас сделать фотографию – она им нужна для рекламной кампании. Все честь по чести. Единственная проблема – времени дают мало. Поздновато спохватились.

– Что значит – времени мало? Когда срок? – спросила Хоуп и вытянулась на диване, прижав плечом телефонную трубку.

– Хотят, чтобы съемка прошла уже на этой неделе, иначе им не успеть, а значит, тебе придется работать в Рождество. Но эта суперзвезда, видите ли, желает только тебя, ни о ком другом и слышать не хочет. Что ж, у парня неплохой вкус. Да, кстати, гонорар обещают солидный. Звезда все таки.

– А кто такой? Как его зовут?

Агент замялся, понимая, что решение Хоуп будет зависеть от того, что она сейчас услышит. Писатель был известный, лауреат Национальной литературной премии, постоянно в списке бестселлеров. Но вот беда, он частенько фигурирует в прессе в компании с разными дамами и вообще славится своими похождениями. Марк не знал, как Хоуп отнесется к перспективе делать фотопортрет донжуана, от которого можно ждать любой выходки. А Хоуп предпочитает иметь дело с людьми серьезными.

– Финн О’Нил, – ответил Марк, не вдаваясь в подробности, и замолчал, ожидая ее реакции. Ему не хотелось на нее давить или, наоборот, отговаривать. Это ее личное дело, и отказаться – тоже ее право, тем более что заказ поступил так поздно, да еще перед самым праздником.

– Читала его последнюю книгу, – заинтересовалась Хоуп. – Жуть! Но закручено здорово. – Она была заинтригована. – В уме ему не откажешь. Ты с ним знаком?

– Если честно, то нет, незнаком. Встречал пару раз на тусовках здесь и в Лондоне. На вид обаятельный парень, но уж больно охоч до красивых женщин и молоденьких девчушек.

– Ну, тогда мне он не опасен, – рассмеялась Хоуп, тщетно пытаясь вспомнить лицо автора с задней обложки прочитанной недавно книги.

– Ну уж, не прибедняйся! Ты у нас раза в два моложе выглядишь. Но с ним ты справишься, на этот счет я спокоен. Меня другое волновало – захочется ли тебе сейчас в Лондон лететь. С другой стороны, все веселей, чем сидеть на Кейп-Коде, так что, может, оно и к лучшему. Отправят тебя первым классом, все расходы за счет заказчика, поселят в «Клэриджес». Вообще то он живет в Ирландии, но в Лондоне у него квартира, он сейчас там.

– А вот это жаль! – огорчилась Хоуп. – Я бы предпочла снимать в Ирландии. Лондон – это слишком тривиально.

– Не думаю, что это удастся устроить. Он пожелал встретиться в Лондоне. Да и работы то на один день. Еще успеешь на своем море насладиться унынием. На Новый то год – наверняка.

Хоуп рассмеялась, а потом стала взвешивать все «за» и «против». Идея неплохая. Финн О’Нил – писатель известный, наверняка снимать его будет интересно. Ее только злило, что его лицо никак не вспоминается.

– Ну, что скажешь?

По крайней мере, она не отвергла предложение с порога, это обнадеживало. Марк считал, что работа пойдет Хоуп на пользу, особенно если учесть, что альтернативой будет тоскливое времяпрепровождение на море в гордом одиночестве. У Хоуп был дом на берегу, где она из года в год проводила лето. Она обожала это место. Но сейчас то зима!

– А ты что скажешь? – Она всегда спрашивала мнения Марка, хотя не всегда следовала его советам. Ну, хоть спрашивает, другие клиенты и до этого не снисходят.

– Скажу, что надо брать. Интересная личность, знаменитость... Это почетно, к тому же ты давно не делала портретов. Нельзя же без конца снимать одних монахов и попрошайек! – заметил Марк.

– Что ж, возможно, ты и прав, – задумчиво ответила Хоуп. Портрет по прежнему был в числе ее любимых жанров – если только герой неординарный, а Финн О’Нил вроде как раз из таких. – Ассистента мне там добудешь? Не отсюда же тащить! – В этом отношении Хоуп была непритязательна.

– Об этом не беспокойся, когонибудь подыщем. – Марк, затаив дыхание, ждал окончательного ответа. Он считал, что надо брать, и, как ни странно, Хоуп была согласна. Ее, как обычно, страшили надвигающиеся праздники, и поездка в Лондон могла стать прекрасным способом отвлечься.

– О’кей. Берусь. Когда лететь?

– Да я бы сказал, чем раньше – тем лучше. Тогда успеешь до Рождества. – Произнеся это, он понял, что как раз это обстоятельство для нее не имело значения.

– Я бы могла вылететь завтра вечером. Надо тут кое какие дела закончить, да еще обещала позвонить в Музей современного искусства куратору. А вечером можно и на самолет. Как раз в полете и выплусь.

– Отлично! Так и передам. Издательство бронирует билеты и гостиницу, а я возьму на себя ассистента. – Найти для Хоуп ассистента никогда не составляло большого труда. Молодые фотографы готовы были стоять в очереди, чтобы поработать с Хоуп Данн, тем более что она легко ладила с людьми. Хоуп отличали вежливость, профессионализм и неприязнательность, зато научиться у нее можно было очень многому, и студенты отделений фотографии или ассистенты готовы были драться за возможность поработать с ней. Кроме того, ассистируя Хоуп Данн хотя бы один день, можно было получить дополнительную ценную строчку в личном резюме. – Как долго думаешь пробыть в Лондоне?

– Даже не знаю, – задумалась Хоуп. – Несколько дней, наверное. Не хочу устраивать гонку. Посмотрим еще, что он за фрукт. Некоторым требуется день-другой, чтобы расслабиться. Знаешь что... пусть будет четыре дня. Посмотрим, как пойдет. В крайнем случае время в запасе будет. А как закончу – сразу улечу.

– Решено. Рад, что ты согласилась. А в Лондоне в это время года хорошо... Всюду украшения, иллюминация... И на политкорректности они так не заиклены, как мы. Британцы продолжают верить в Рождество. – В Штатах в последние годы это слово превратилось в табу.

– И «Клэриджес» я люблю, – весело подхватила Хоуп, но тут же посерьезнела. – Надо будет постараться встретиться с Полом, если он, конечно, там. Не знаю, где он сейчас может быть. Мы с ним давно не общались. – Странно было думать о том, что, прожив вместе двадцать один год, они даже не знают, где друг друга искать. В последнее время Хоуп ведет образ жизни, полностью вписывающийся в китайскую поговорку: «Тогда – это тогда, а теперь – это теперь». Как это верно! И какая большая разница между «тогда» и «теперь».

– А как, кстати, у него дела? – деликатно поинтересовался Марк. Он знал, сколь чувствительна эта тема для Хоуп, но с учетом всего, что произошло в их жизни, надо признать, что она стойко перенесла разрыв. Для Марка она была воплощением силы духа и человеческой порядочности. Мало кому удастся с таким достоинством выйти из столь суровых жизненных невзгод.

– Да, думаю, без изменений, – ответила Хоуп на вопрос о бывшем муже. – Проходит какую то экспериментальную терапию по Гарвардской методике. По-моему, у него все замечательно.

– Так я позвоню в издательство, скажу, что ты согласна? – переменял тему Марк. Ему всегда было сложно долго поддерживать беседу о Поле. Хоуп неизменно отзывалась о бывшем муже в высшей степени корректно, Марк видел, что она его все еще любит и смирилась с ударом судьбы. Она не озлобилась, не ожесточилась. Диву даешься, как у нее это получается. – Завтра позвоню, уточню все детали, – пообещал он и распрощался.

Закончив разговор, Хоуп поставила тарелку в посудомоечную машину и, вернувшись к окну, стала опять смотреть на снег. Снег все валил и валил, на земле лежал уже слой в несколько дюймов, и Хоуп невольно вернулась мыслями к Лондону. В последний раз она была там тоже на Рождество, и город был похож на рождественскую открытку. Интересно, не в Лондоне ли сейчас Пол. Но она не станет звонить заранее, вдруг что то изменится, к тому же надо еще убедиться, что у нее будет время встретиться. Как бы так подгадать, чтобы эта встреча не пришлось на Рождество – не хватало еще обоим впасть в сентиментальность! Этого надо избежать во что бы то ни стало. Сейчас они только друзья, не более. Пол знает, что в случае необходимости на нее всегда можно рассчитывать, но гордость, конечно, не

позволит ему к ней обращаться, что бы ни случилось. Если эта встреча состоится, надо будет во что бы то ни стало не касаться трудных тем, так лучше для них обоих. О прошлом говорить слишком больно, да и к чему ворошить?

Хоуп стояла у окна и смотрела, как по заснеженному тротуару шагает мужчина, оставляя за собой дорожку следов, а за ним, неуверенно оскальзываясь, ковыляет старушка с собачкой на поводке. Искушение было слишком велико. Хоуп надела пальто и сапоги и вышла на улицу, сунув в карман испытанную «Лейку», не новомодную и навороченную, какая у нее тоже есть и о какой мечтают многие, а старую, зато самую любимую.

Десять минут спустя она уже шагала под снегом и высматривала удачный кадр. Ноги сами привели ее к станции метро. И тут в голову Хоуп пришла идея. Захотелось поснимать в вечернем Центральном парке, после чего можно будет поехать в Вест-Сайд и сделать несколько снимков там. Снег удивительным образом смягчает лица и сердца людей. По меркам Хоуп, вечер еще только начинался, и, если потребуется, она готова не спать хоть всю ночь. Вот вам еще одно преимущество одинокой жизни. Можно работать, когда хочется, так долго, как хочется, и ни перед кем не отчитываться, ведь дома тебя никто не ждет.

Было три часа ночи, когда она, довольная собой, шла назад по Принс-стрит. Снегопад только-только прекратился, когда Хоуп вошла в подъезд. Сбросив мокрое от снега пальто, Хоуп напомнила себе, что утром надо собраться в поездку. Через пять минут она уже облачилась в уютную ночную рубашку и устроилась в своей монашеской постели над лестницей. Едва коснувшись головой подушки, она уснула. Ночь выдалась на редкость насыщенной и продуктивной.

Глава 2

Прибыв в аэропорт, Хоуп обнаружила, что вылет в Лондон задерживается на два часа. Аппаратура у нее была в ручной клади. Все время до вылета она просидела в зале первого класса, пока не объявили посадку. Она взяла с собой в дорогу еще одну книгу Финна О'Нила. Потом опять повалил снег, и уже с пассажирами на борту самолет обрабатывали специальной жидкостью – защитой от обледенения. В результате общая задержка составила почти четыре часа, с учетом ожидания очереди на взлет. Хоуп это не слишком волновало, она привыкла в долгих перелетах спать. Сообщив стюардессе, что будить к ужину и завтраку ее не надо, она попросила поднять ее за сорок минут до приземления в Хитроу. Тогда у нее будет время перед посадкой выпить чашку кофе с круассаном и привести себя в порядок, чтобы выглядеть прилично перед инспектором иммиграционной службы и портье в отеле.

Хоуп весь полет сладко проспала и с облегчением вздохнула, когда, несмотря на утренний туман, самолет благополучно приземлился. Оказалось, задержка рейса сыграла им на руку, дав зимней непогоде время усмириться. И, как ей и было обещано, едва увешанная сумками с аппаратурой Хоуп прошла таможеню, как увидела табличку в руках таксиста из «Клэриджес». Все дополнительное оборудование, которое могло понадобиться, она уже выписала напрокат, к вечеру его должны были доставить в отель. А наутро ей предстояла встреча с ее будущим героем. По ее расчетам, несколько часов уйдет на то, чтобы с ним познакомиться, и к вечеру того же дня можно будет начинать съемку.

Пока все шло по плану и без осложнений. Отлично выспавшись в самолете, Хоуп была полна бодрости и энергии. Номер в отеле также не обманул ожиданий. Это был один из лучших полулюксов в «Клэриджес», со стенами насыщенного кораллового цвета, мебельной обивкой в цветочек, английским антиквариатом и эстампами на стенах. Теплый и уютный номер. Едва переступив порог, Хоуп наполнила ванну. Хотела было позвонить Полу, но решила отложить звонок до знакомства с клиентом, чтобы сначала уяснить свой график на ближайшие дни. Если понадобится (и если он в городе), с Полом она сможет встретиться в последний день. Она попыталась не думать об их совместном прошлом, усилием воли запретила себе о нем вспоминать, скользнула в ванну и закрыла глаза. Хоуп решила, что, как только приведет себя в порядок и поест, отправится на прогулку. В Лондоне было два часа дня. Не успела она позвонить и заказать в номер омлет и чашку супа, как прибыла выписанная техника, и следом тут же позвонила ассистентка. К четырем часам Хоуп была готова выйти.

Быстрым шагом она прошла до Новой Бонд-стрит, разглядывая витрины. По случаю Рождества они были ярко украшены, и в каждом магазине толпились покупатели. Праздничный шопинг был в самом разгаре. Ей некому было покупать подарки – Полу она еще из Нью-Йорка послала одну из своих фотографий в рамке, а Марку – несколько бутылок хорошего французского вина. Около шести Хоуп вернулась в отель и не успела войти в номер, как позвонил Финн О'Нил. У него был глубокий бархатный баритон с легкой хрипотцой. Однако, едва он попросил ее к телефону, как зашелся кашлем. Оказалось, это не хрипловатый тембр, а простуда.

– Я при смерти, – объявил он, когда кашель немного отпустил. – Боюсь, завтра утром ничего у нас с вами не выйдет. Кроме всего прочего, не хотелось бы вас заразить. – Очень мило, что он подумал о ней. Хоуп и самой не хотелось болеть, но терять день тоже было жаль. Других дел в Лондоне у нее нет, разве что пообщаться с Полом.

– Голос у вас и впрямь ужасный, – посочувствовала она. – Врача вызывали?

– Обещал прийти, жду. Мне правда очень жаль. Очень любезно с вашей стороны проделывать весь этот путь. Может, завтра отлежусь, полегчает. Попробуем перенести на денек, согласны? Или вы спешите домой? – Он забеспокоился, и Хоуп улыбнулась.

– Да нет, ради бога, – спокойно ответила она. – Я могу пробыть столько, сколько нужно, главное – дело сделать.

– Надеюсь, у вас есть хороший ретушер, выгляжу я ужасно, – пожаловался он, и теперь это был голос несчастного ребенка.

– Обещаю, будете выглядеть превосходно, тут вся хитрость в освещении, – успокоила Хоуп. – Что надо – подправим. Вы, главное, выздоравливайте. Пейте куриный бульон! – посоветовала она, и он рассмеялся в ответ.

– Не хотелось бы на обложке выглядеть старым дедушкой.

– Не будете. – Хоуп представила себе эту картину. В Интернете она нашла его фото и вычитала, что ему сорок шесть лет. Она помнила, как он выглядит. Симпатичный мужчина. Да и голос, несмотря на болезнь, молодой и энергичный.

– Как отель? Хорошо устроились? – участливо поинтересовался он.

– Все в порядке, – ответила она.

– Очень вам признателен, что так быстро отозвались и прилетели. Не знаю, о чем только мое издательство думало, они начисто забыли, что для книги понадобится фото, и засуетились в последний момент. Так все это не вовремя, в самое Рождество... Я просил их связаться с вами, но, честно говоря, не надеялся, что вы приедете.

– Да у меня не было никаких планов. Собиралась поехать на Кейп-Код, но здесь вообще то интереснее.

– Да уж... – поддержал он. – Я живу в Ирландии, так должен вам сказать, что в это время там жуткая тоска. А тут у меня дом, я им обычно пользуюсь во время перерывов в работе. Бывали в Ирландии? – оживился он, но тут же зашелся в новом приступе кашля.

– Давно, – ответила Хоуп. – Красивые места, но в последние годы как-то не доводилось съездить. Особенно там, по моему, летом красиво.

– Да, мне тоже нравится. Правда, мне лучше пишется в наши сырые и ветреные зимы, – рассмеялся он. – И в налоговом отношении там хорошо. В Ирландии с писателей не берут подоходный. Круто, да? Я два года как принял гражданство. Теперь наслаждаюсь жизнью, – признался он, и Хоуп рассмеялась.

– Здо'рово! Вы, по моему, и сами ирландских кровей? – Такое предположение она сделала исходя из его фамилии. Хоуп болтала с ним с удовольствием. Отличная возможность познакомиться поближе, пусть и по телефону. Чем дольше предварительное общение, тем менее скован он будет, когда они наконец встретятся и начнут работать.

– Да, родители оба были коренные ирландцы, а я родился в Нью-Йорке. Кстати, ирландское происхождение существенно облегчило мне смену гражданства. Точнее говоря, оно у меня было двойное, а сейчас я просто отказался от американского паспорта. Мне это показалось логичным, раз уж я решил жить здесь. В Ирландии есть потрясающие дома. И природа красивая, хотя климат... Вам непременно надо выбрать время и приехать ко мне в гости. – В его предложении не было ничего необычного, такие слова слышишь сплошь и рядом, на деле же Хоуп с трудом представляла себе, как это можно осуществить. Поработав над фото для обложки, вряд ли они когда либо еще встретятся, если, конечно, не потребуется новая фотография.

Они еще немного поболтали, он рассказал о своей новой книге. Роман был о серийном убийце, и действие происходило в Шотландии. Фабула была жутковатая, но в ней было несколько нестандартных поворотов. Хоуп был обещан один экземпляр от автора, когда книга выйдет. Сейчас, по словам Финна, он занимается шлифовкой текста. Она выразила надежду на его скорое выздоровление и сказала, что согласна приступить к работе через

два дня, чтобы дать ему время отлежаться. Закончив разговор, Хоуп позвонила Полу. Она не была уверена, что он сейчас в Лондоне, но чем черт не шутит... Пол взял трубку уже после второго гудка и, судя по голосу, был удивлен и рад слышать ее голос. Она уловила в его интонациях знакомый тремор. За последние годы голос у него изменился, и речь порой звучала неразборчиво.

– Вот так сюрприз! Ты где? В Нью-Йорке?

– Нет, – ответила Хоуп, улыбнувшись. – Представь себе, я в Лондоне! Приехала поработать, всего на несколько дней. Заказали фотографию автора на обложку его новой книги.

– Вот уж не думал, что ты этим еще занимаешься. После успеха твоей прошлогодней выставки... – сердечно похвалил он. Пол всегда гордился ее профессиональными достижениями.

– Время от времени берусь за коммерческие заказы. Чтобы не разучиться. Нельзя же одним высоким искусством заниматься! Интересно, когда делаешь разную работу. Здесь я снимаю Финна О'Нила.

– А... Знаю такого. Мне нравится, как он пишет, – сказал Пол, явно под впечатлением от услышанного. Он был рад ее звонку, это и по голосу было слышно.

– Мне тоже. Но он сейчас простужен, так что съемку пришлось на пару дней отложить. Я подумала, если ты здесь, может, завтра пообедаем вместе?

– С удовольствием! – сразу согласился Пол. – Я послезавтра лечу на Багамы. Надо погреться. – У него была прекрасная яхта, которая зимой стояла на приколе в Карибском море. Пол частенько проводил время на яхте в море. Это был его способ убежать от мира.

– Значит, я правильно сделала, что позвонила.

– Конечно! Ты молодец. – Они договорились завтра пообедать у нее в отеле. Хоуп не спросила про его самочувствие. Скоро сама увидит, а говорить о его болезни ей не хотелось.

Осенью Полу исполнилось шестьдесят, из которых вот уже десять лет он страдал болезнью Паркинсона. Недуг перевернул их жизнь и, конечно, в первую очередь его собственную. Первые признаки дрожи в руках и ногах появились у Пола сразу после пятидесяти, поначалу он отказывался в них признаваться, однако, будучи кардиохирургом, долго скрывать болезнь не мог. Через полгода у него не осталось иного выхода, как уйти с работы. Вот когда земля действительно ушла из под ног и у него, и у Хоуп. Потом еще целых пять лет он продолжал преподавать в Гарварде, но затем и это стало ему не под силу. В пятьдесят пять Пол окончательно оставил работу и сурово запил. На протяжении двух лет ему удавалось держать это в тайне от всех, за исключением Хоуп.

Единственное мудрое решение, которое он принял в этот период, было вложить деньги в две компании, производящие хирургическое оборудование. С одной из них он раньше сотрудничал как консультант. Эти инвестиции оказались более доходными, чем все, чем он до этого занимался. Одна из этих фирм потом вышла на фондовую биржу, и, продав свои акции, Пол обогатился настолько, что смог купить свою первую яхту. Это было спустя два года после его выхода на пенсию. Но его пьянство делало их жизнь с Хоуп все более невыносимой, а в периоды обострения болезни он превращался в беспомощного калеку. Пол был либо болен, либо пьян – или то и другое вместе. В конце концов по совету одного своего коллеги по Гарварду он прошел курс лечения от алкоголизма в специализированной клинике. Но к тому времени их брак уже фактически распался. От семьи ничего не осталось, и ничто не удерживало их вместе. Тогда Пол решил развестись. Хоуп осталась бы с ним до конца, но он рассудил иначе.

Будучи медиком, он лучше других понимал, что ждет его впереди, и не захотел обрекать Хоуп на такие испытания. Он самостоятельно принял решение о разводе и не оставил ей выбора. Окончательно развод был оформлен два года назад, после ее возвращения из Индии. С тех пор они избегали говорить о своем браке и его бесславном окончании. Тема для

обоих была чересчур болезненной. Так или иначе, после всего пережитого они друг друга потеряли. Духовная близость, даже любовь не ушли, но Пол не позволил Хоуп оставаться частью его жизни. Она знала, что он ее любит и беспокоится о ней, но он решил, что умирать будет в одиночестве. После этого, казалось бы, великодушного поступка мужа Хоуп осталась совсем одна, в глубокой растерянности и спасалась только работой.

Она беспокоилась о нем, но понимала, что с точки зрения медицины он в надежных руках. Пол месяцами пропадал на яхте, а остальное время жил в Лондоне либо отправлялся в Бостон, чтобы пройти в Гарварде очередной курс лечения. Увы, врачи мало чем могли облегчить его состояние. Болезнь медленно пожирала его, но пока он еще мог передвигаться, хотя и с трудом. Легче было на яхте, где его денно и ночью окружала команда.

Они поженились, когда Хоуп было двадцать один и она только-только окончила Университет Брауна. К тому времени Пол уже успешно оперировал и одновременно преподавал в Гарварде. Ему тогда было тридцать семь лет. Они познакомились, когда Пол на протяжении семестра читал в университете лекции, находясь в творческом отпуске по месту основной работы. Пол влюбился в нее с первого взгляда, роман развивался стремительно и бурно, а через год, сразу после ее выпуска, сыграли свадьбу. За те два года, что прошли после их развода, у Хоуп ни разу не было другого мужчины. Невозможно было найти кого-то, кто хоть отдаленно мог бы сравниться с Полом Форрестом, и Хоуп по-прежнему была к нему глубоко привязана. Он мог с ней развестись, но заставить ее разлюбить не сумел. Она просто приняла как данность свой новый статус. И хотя болезнь очень изменила Пола, она по-прежнему видела в этом немощном теле блестящий ум и редкие человеческие качества.

Утрата любимой работы его сильно надломила, во многих отношениях Пол заметно сдал, но только не в глазах бывшей жены. Для нее, несмотря на дрожащие руки и неверную походку, он оставался все тем же мужчиной, которого она так любила.

Вечер Хоуп провела в отеле за чтением книги О'Нила. Она гнала прочь мысли о Поле и об их прежней семейной жизни. Эту дверь оба больше не решались открывать, за ней таилось слишком много призраков, и для обоих было проще говорить о текущих делах, нежели пережевывать давно минувшее. Но когда на завтра она увидела Пола, глаза у нее засветились. Хоуп поджидала его в вестибюле отеля. Пол направлялся к ней шаркающей походкой, опираясь на трость, но был по-прежнему высок и красив, спину держал прямо, а глаза горели, и в целом, несмотря на тремор, выглядел он неплохо. Для нее Пол по-прежнему был самым прекрасным мужчиной на земле, и, хотя болезнь его сильно состарила, он сохранил мужскую привлекательность.

Пол был тоже очень рад встрече, крепко обнял ее и поцеловал в щеку.

– Выглядишь потрясающе! – проговорил он с улыбкой. Сегодня Хоуп надела черные брюки, туфли на высоких каблуках и красный пиджак, а волосы стянула узлом на затылке. Ее огромные синие глаза светились радостью. Опытным взглядом Хоуп определила, что Пол выглядит не хуже, чем в последний раз, когда она видела его, а может, даже и лучше. Похоже, экспериментальное лечение дает эффект, хотя от нее не укрылась неверность движений, когда он взял ее под руку и повел в ресторан. Она почувствовала, что у него подрагивает все тело. Болезнь Паркинсона брала свое.

Метрдотель предложил им удобный столик, и они непринужденно болтали, выбирая, что заказать. Полу всегда с ней было легко. Они так хорошо друг друга знали, что понимали с полуслова. С девятнадцати лет Хоуп знала и любила этого человека, и порой ей странно было сознавать, что она больше ему не жена. Но на сей счет Пол был бескомпромиссен и категорически не хотел становиться для нее обузой. Она была на шестнадцать лет моложе, и до поры до времени эта разница в возрасте не имела для них значения. Но когда Пола настигла болезнь, это обстоятельство оказалось решающим. И он решил уйти из жизни Хоуп, хотя они продолжали любить друг друга и по-прежнему с удовольствием проводили время

вместе. Через несколько минут общения он уже развеселил Хоуп до слез, а отсмеявшись, она принялась рассказывать о последних своих выставках, поездках и заказах. Они не виделись полгода, хотя звонили друг другу регулярно. И пусть они больше не муж и жена – представить свою жизнь без Пола она была не в силах.

– Вчера я зашел на сайт издательства и нашел твоего нынешнего героя, – сообщил Пол, приступая к еде. Руки его мелко дрожали. Прием пищи давно превратился для него в тяжелое испытание, но он упорно отказывался от посторонней помощи, поэтому Хоуп старалась не реагировать, когда он что то проливал или проносил мимо рта, и не делала попыток ему помочь. Всякий поход в ресторан превращался для Пола в испытание, для которого требовалось и большое мужество, и чувство собственного достоинства, и Хоуп гордилась тем, что он не превратился в желчного унылого затворника и не боялся показываться на людях. Болезнь превратила его жизнь в тяжелое испытание, из за нее он лишился работы, которая так много для него значила и на которой зиждилось его уважение к себе; разрушился и его брак – страшная трагедия, на которую Пол пошел сам, чтобы освободить Хоуп от тяжелого бремени. Теперь, когда он медленно угасал, его единственной отрадой оставался отдых на яхте. Даже Хоуп понимала, что перед ней уже не прежний Пол, а всего лишь его тень, хотя он всеми силами это скрывал, пускай даже лишь из гордости. В свои шестьдесят он мог бы быть бодр и полон сил, все еще в расцвете лет и карьеры. Он же, напротив, до срока вступил в закатный период своей жизни, остался один – как и Хоуп, хотя она была намного моложе. Пол медленно, но неотвратимо уходил из жизни, и, видя это, Хоуп всякий раз приходила в отчаяние. Он старался держаться так же, как и раньше, но реальность была жестокой, и прежде всего для него самого.

– Этот О’Нил очень интересная личность, – продолжал Пол с заинтригованным видом. – Кажется, родился в Штатах, но благородных ирландских кровей и теперь вернулся в свое родовое имение. В Интернете выложено фото его дома. Достойное место, доложу я тебе. Красивый особняк в старинном стиле. В Ирландии таких множество. По моим наблюдениям, мебель из этих фамильных особняков нередко выставляется на продажу в «Сотбис» и «Кристис». Что то типа французского антиквариата, а зачастую и кое что получше. Как бы то ни было, он живет в огромном особняке, и он ирландский аристократ, хотя по его книгам я бы этого не сказал. Учился в заурядном американском университете, но докторскую степень получил в Оксфорде, а его литературные заслуги отмечены Национальной литературной премией в Штатах и какой то британской наградой. Вообще то он сэр Финн О’Нил, – добавил Пол.

– Ох ты... А я и забыла! – призналась Хоуп. Пол всегда снабжал ее бесценной информацией. – Слушай, я ведь даже не вспомнила, что обращаться к нему нужно по титулу. Правда, он, по моему, не обиделся.

– И еще о нем пишут, что он большой сумасброд, – добавил Пол, отставив еду. Ему трудно было доесть заказанное блюдо – руки совсем не слушались, а позориться на публике он не желал. – У него были романы со многими известными дамочками, богатыми наследницами, принцессами, актрисами, моделями. Он в некотором смысле плебей, но в таланте ему не откажешь. Тебя ждет интересная работа. Конечно, с таким непросто договориться, но зато интересно. Еще захочет тебя соблазнить, – с горькой улыбкой прибавил Пол. Он уже давно не предъявлял на нее никаких прав, кроме дружеских, и не задавал вопросов про ее личную жизнь. Не его это дело. А Хоуп, не желая причинять ему боль, не говорила, что по прежнему любит только его. Некоторые темы были у них под запретом, причем не только из прошлого. Учитывая обстоятельства, лучшим выходом для обоих было ни к чему не обязывающее общение за случайным ужином или по телефону. И оба очень дорожили этой последней связывающей их ниточкой.

– Не соблазнит, – успокоила Хоуп. – Я, наверное, вдвое старше всех его пассий, если он такой, как ты говоришь. – В ее голосе не слышно было ни интереса, ни волнения. Для нее Финн О’Нил был объектом фотосъемки, а не привлекательным мужчиной.

– Никогда нельзя знать заранее, – рассудительно заметил Пол.

– Пусть только попробует – я его треногой огрею! – пригрозила Хоуп, и оба расхохотались. – К тому же со мной будет ассистентка, может, она ему больше подойдет. И не забывай, что он болен, ему должно быть не до амуров.

Они непринужденно проговорили весь обед, а потом не спеша насладились десертом. Пол дважды попытался выпить заказанный чай, но безуспешно, и все же Хоуп не отважилась предложить свою помощь, хотя внутренне порывалась. После обеда она проводила его до дверей и дождалась, пока швейцар вызовет ему такси и усадит в машину.

– В ближайшее время в Нью-Йорк не собираешься? – с надеждой спросила Хоуп. За Полом были зарезервированы апартаменты в отеле «Карлайл», но он ими редко пользовался. А в Бостон в последнее время он прилетал только на лечение. Слишком тяжело ему теперь давалось общение с бывшими коллегами. Друзья все еще были на пике карьеры, тогда как его профессиональная деятельность закончилась десять лет назад.

– Зиму хочу провести на Карибах. А потом, скорее всего, вернусь сюда. – Пола утраивало, что в Лондоне его никто не знает, а значит, никто не жалеет. Жалость в глазах собеседника, пусть даже Хоуп, была ему нестерпима. Отчасти это послужило и причиной развода. Пол не хотел превратиться в объект сострадания. Предпочитал остаться один, чем быть обузой для любимого человека. Но, приняв такое решение, он обделил обоих. Однако отговорить Пола оказалось невыполнимой задачей. Хоуп пыталась, но все было тщетно, и в конце концов признала за ним право решать, как он хочет провести оставшиеся годы. Каковы бы ни были его мотивы, он выбрал жизнь отдельно от нее.

– Расскажешь потом, как прошло знакомство с этим О’Нилом, – попросил Пол, пока швейцар подзывал для него машину. Потом он с улыбкой взглянул на Хоуп, притянул к себе, она обняла его, и Пол на секунду закрыл глаза и замер. – Береги себя, Хоуп! – проговорил он дрогнувшим голосом, и она кивнула. Порой Пола начинала мучить совесть, что оставил ее одну, но он был твердо убежден, что для нее так будет лучше, и ничто не могло поколебать его уверенности. У него нет права ломать ей жизнь ради своего удобства.

– Буду стараться. И ты береги себя, – отозвалась она, поцеловала его в щеку и помогла сесть в машину. Через мгновение такси уже отъезжало от отеля, а Хоуп стояла и махала вслед. Встречи с Полом всегда навевали на нее грусть, но он был единственным родным ей человеком, других близких у нее не было. Входя в отель, она вдруг поняла, что забыла пожелать ему счастливого Рождества, но потом решила, что это и к лучшему. Зачем вызывать горькие воспоминания, им обоим и так тяжело.

Она поднялась в номер, переобулась в туфли на низком каблуке и надела теплое пальто. Спустя несколько минут она тихонько вышла из гостиницы, чтобы совершить долгую прогулку в полном одиночестве.

Глава 3

Фиона Кейси, ассистентка, нанятая ее агентом, появилась у Хоуп на следующее утро ровно в девять часов. Эта яркая, веселая рыжеволосая девушка искренне благоговела перед Хоуп. Она училась на последнем курсе факультета фотографии Королевской академии художеств и зарабатывала на жизнь разовыми заказами – такими, как этот. В данном случае она радовалась еще и тому обстоятельству, что снимать предстоит не кого-нибудь, а самого Финна О’Нила. Девушка была в таком возбуждении, что то и дело спотыкалась, пока перетаскивала в арендованный микроавтобус аппаратуру для предстоящей съемки. У Финна О’Нила они должны были быть в десять. Он больше не звонил, из чего Хоуп заключила, что он достаточно ожил, чтобы провести съемку.

Водитель микроавтобуса, предоставленного ей отелем, быстро доставил их к элегантному дому в модном районе. Как все другие здания в этом переулке, дом был небольшим, и стоило Хоуп постучать в дверь медным кольцом, как на пороге возникла горничная в форменном платье и впустила их внутрь. Она проводила пришедших в примыкающую к прихожей гостиную величиной с комнату из кукольного домика, всю заставленную антикварной английской мебелью. Книжный шкаф был забит книгами, книги стопками возвышались даже на полу, и Хоуп отметила, что среди них много старинных, в том числе в кожаных переплетах. Приглядевшись внимательнее, она увидела немало раритетных изданий. Хозяин дома явно был большим книголюбом. В гостиной стояли удобные старинные диваны, обитые кожей, в камине ярко полыхал огонь – по всей видимости, единственный источник тепла в этом помещении. Горящий очаг был весьма кстати, поскольку уже в нескольких шагах от него в комнате было по настоящему холодно. Из гостиной можно было попасть в темно-зеленую столовую, сразу за которой, судя по всему, располагалась небольшая кухня. Все комнаты в этом доме были небольшими, но очень уютными.

Хоуп с Фионой, тихонько переговариваясь, с полчаса просидели в ожидании Финна, после чего дружно поднялись и переместились поближе к камину. Дом был такой миниатюрный, что здесь казалось неловким говорить в полный голос – того и гляди кому-то помешает. И как раз в тот момент, когда Хоуп уже начала беспокоиться, в комнату решительно шагнул высокий мужчина с гривой темных волос и лучистыми голубыми глазами. Для человека таких габаритов дом казался неправдоподобно мал. Казалось, стоит хозяину дома вытянуть руку – и он коснется стен и сможет повернуть их вокруг оси. Какая нелепость – жить в таком доме, это было тем более удивительно потому, что Хоуп после разговора с Полом отыскивала в Интернете изображение фамильного особняка О’Нила в Ирландии.

– Простите, что заставил вас ждать, – заторопился с извинениями Финн. Говорил он с типичным американским акцентом. Незнакомому почему-то, начитавшись об этом человеке и его ирландских корнях, Хоуп приготовилась услышать ирландскую речь, хотя уже говорила с ним по телефону и имела возможность убедиться, что он разговаривает, как всякий образованный житель Нью-Йорка. Правда, внешне он действительно больше походил на европейца. Происхождение происхождением, но все же Финн О’Нил был в той же степени американец, что и она. Его простуда, кажется, почти прошла. Финн покашливал, но уже не был похож на тяжелобольного человека. И даже, напротив, выглядел вполне здоровым и полным жизни. А улыбка у него оказалась такая обворожительная, что юная Фиона вмиг растаяла, стоило ему только попросить горничную сделать ей кофе, пока они с Хоуп поднимутся на второй этаж. Он извинился перед ассистенткой, что оставляет ее одну, но ему хотелось поближе познакомиться со своим фотографом.

Хоуп проследовала за ним по узкой лестнице и очутилась в еще одной гостиной, не менее уютной, но чуть большего размера, тоже полной книг, антиквариата, всевозможных

безделушек и памятных вещиц. Здесь тоже стояли старинные кожаные диваны и удобные кресла. И так же весело трещал огонь в камине. В такой комнате хотелось засесть и не выходить днями напролет. Каждый предмет интерьера завораживал и навевал массу ассоциаций и догадок. Наряду с сувенирами из поездок здесь были такие вещи, которые, казалось, принадлежали этому дому испокон веков. В этой комнате чувствовалась индивидуальность хозяина, и, несмотря на ее невеликие габариты, эта комната очень подходила ее долговязому хозяину. Войдя, Финн немедленно опустился на диван и вытянул ноги к огню, с улыбкой поглядывая на Хоуп. На ногах у него были поношенные, но очень элегантные кожаные жокейские сапоги.

– Надеюсь, я не очень огорчил вашу ассистентку? – усмехнулся он. – Просто я подумал, что неплохо было бы познакомиться нам с вами, прежде чем приступить к работе. Честно говоря, фотографироваться я не люблю. Я писатель и привык сам наблюдать за другими, а не быть объектом чужого наблюдения. Не люблю, знаете ли, находиться в центре внимания. – Мальчишеская усмешка, игравшая на его устах, моментально покорила сердце Хоуп. Неимоверно обаятельный мужчина!

– В этом мы с вами похожи. Я тоже терпеть не могу фотографироваться. Предпочитаю находиться по эту сторону камеры. – Она уже прикидывала, где будет лучше снимать. В каком то смысле ее вполне устраивало и то, что она сейчас видела: непринужденная поза на уютном диване перед камином, голова слегка откинута назад, хорошо видно лицо. – Вам уже лучше? – У него был такой здоровый и энергичный вид, что в недавнюю болезнь верилось с трудом. Голос был еще немного хрипловат, но сам Финн излучал здоровье и силу, а в голубых глазах, когда он улыбался, плясали веселые чертики. Он был похож на обаятельного и смелого героя из сказок ее детства. Или на героя какой нибудь увлекательной книги, хотя в его собственных книгах персонажи были чаще всего зловещие.

– Я практически здоров, – бодро сказал О’Нил, слегка кашлянув. – Этот дом настолько мал, что я себя здесь чувствую немного по дурачки, но в то же время мне здесь хорошо и уютно, так что вряд ли я когда нибудь от него откажусь. Я купил его довольно давно, и мои лучшие книги написаны здесь. – Он повернулся и указал на письменный стол за спиной. Замечательный двухтумбовый конторский стол старинной резной работы. По словам Финна, он раньше стоял на каком то корабле. Стол занимал весь дальний угол комнаты, и водруженный на него компьютер никак не вязался со всей обстановкой. – Спасибо, что приехали, – сердечно поблагодарил он. Хоуп показалось, что он сделал это вполне искренне. Вошла горничная с двумя чашками чая на серебряном подносе. – Я понимаю, это было безумие – выдернуть вас из дома на Рождество. Но фотография издательству нужна срочно, я на той неделе заканчиваю книгу и сразу сажусь за новую, а стало быть, уеду в Ирландию, где я обычно работаю. Вот я и отважился вызвать вас в Лондон.

– Ну что вы, все в порядке, – отозвалась Хоуп и потянулась к чаю. Финн взял вторую чашку, и горничная моментально удалилась. – У меня все равно не было никаких срочных дел, – пояснила она. О’Нил не отводил от нее глаз. Она оказалась гораздо моложе и симпатичнее, чем он ожидал. Поражало хрупкое, изящное телосложение и выразительные синие глаза с фиолетовым оттенком.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы согласились поработать в канун Рождества, – продолжал Финн, а Хоуп тем временем придирчиво изучала игру света и тени на его лице. Сделать его фотографию будет несложно. Внешность у него выразительная, и вообще, надо признать, он чертовски хорош собой.

– В Лондоне в это время весело, – проговорила Хоуп с улыбкой и поставила чашку на полковой барабан, служивший журнальным столиком. Сбоку от камина громоздились роскошные старинные сундуки крокодиловой кожи. В этом доме, куда ни глянь, непременно наткнешься на что нибудь занятное. – Рождество я все равно не праздную, так что

мне поездка только в радость. Это был приятный сюрприз и весьма своевременный. А вы? На Рождество будете здесь или уедете в Ирландию? – Хоуп любила, прежде чем приступить к работе, побольше узнать о своем герое, а общаться с О'Нилом было легко и приятно. На первый взгляд он – человек очень естественный и открытый к общению. Сейчас он с улыбкой поглядывал на нее поверх чашки. До чего обаятельный и симпатичный мужчина!

– Нет, праздники я пробуду здесь, а потом уеду, – ответил О'Нил. – Сын прилетает. Сразу после Рождества. Он у меня умница, учится в Массачусетском технологическом. Компьютерный гений! Мать умерла, когда ему было семь, я его сам растил. Сейчас, когда он в Штатах, мне его очень не хватает. В Лондоне ему веселее, чем в Дублине. А потом он едет с друзьями в горы. Мы очень дружны, – с гордостью добавил О'Нил и внимательно посмотрел на Хоуп. – А у вас дети есть?

– Нет. – Она качнула головой. По ее виду скорее можно было предположить обратное, она совсем не походила на тех женщин, которые готовы ради карьеры отказаться от детей. Хоуп роль матери вполне бы подошла, от нее так и веяло нежностью и стремлением взять под крыло. Негромкий голос, забота, доброта – все это было у нее в характере.

– Вы замужем? – Он бросил взгляд на ее левую руку – кольца на ней не было.

– Нет, – ответила Хоуп и пояснила: – Была. Мой муж был кардиохирургом и преподавал в Гарварде. Точнее, он – специалист по пересадке сердца и легких. Десять лет назад он оставил работу. Мы два года как в разводе.

– А я боюсь остаться не у дел. Лично я намерен писать, пока меня не вынесут ногами вперед. Не представляю, чем еще я мог бы себя занять. Ему тяжело далась отставка? Да что я спрашиваю, наверняка тяжело! Кардиохирург, да еще в Гарварде – он же наверняка был уважаемый всеми специалист!

– У него не было выхода, он заболел, – тихо проговорила Хоуп.

– Тем более! Наверное, тяжело пришлось? Рак? – Его интересовало все, касающееся Хоуп, а она следила за его лицом, за выразительной мимикой и яркими голубыми глазами. Хорошо, что снимок заказан в цвете – было бы обидно не иметь возможности передать цвет этих глаз. Голубее глаз она в жизни не встречала.

– Нет, болезнь Паркинсона. Оперировать бросил сразу, как поставили диагноз. Потом несколько лет преподавал, но в конце концов и это пришлось оставить. Да, он очень переживал.

– Как и вы, наверное. Для мужчины на пике карьеры, да еще в такой области, это страшный удар. Отсюда и развод?

– Отчасти, – уклончиво ответила она и снова оглядела комнату. Ей попалась на глаза фотография Финна с красивым белокурым парнишкой – по всей видимости, это и есть его сын. Проследив за ее взглядом, Финн кивнул.

– Это мой парень. Майкл. Знали бы, как я по нему скучаю! Трудно привыкнуть к тому, что он больше со мной не живет.

– Он в Ирландии вырос? – Хоуп с улыбкой разглядывала снимок. Внешностью сын явно пошел в отца, такой же симпатяга.

– Когда он был маленький, мы жили в Нью-Йорке, затем в Лондоне. В Ирландию я перебрался через два года после того, как он уехал в колледж. Он американец до мозга костей, чего не могу сказать о себе. Я всегда там чувствовал себя чужаком – может, оттого, что родители родом не из Штатов. Только и говорили, мечтали о том, как бы вернуться. Ну, я в конце концов и вернулся.

– А в Ирландии вам как? Чувствуете себя как дома? – спросила она, встретив его взгляд.

– Теперь уже да. Я вернул себе дом моих предков. Теперь лет сто буду его ремонтировать. Когда мне его продали, он на глазах рассыпался. Кое-где и сейчас сыплется. Огромный

старинный дом в стиле Палладио, построенный сэром Эдвардом Ловеттом Пирсом в начале восемнадцатого века. К несчастью, родители умерли задолго до того, как я выкупил дом, а Майкл считает это приобретение безумной затеей. – На каминной полке стояла фотография дома, О’Нил взял ее и протянул Хоуп. Действительно, особняк был очень большой, в классическом стиле, с массивной лестницей, ведущей к парадному входу, и двумя флигелями с колоннадой. На переднем плане был запечатлен Финн верхом на статном вороном коне. Одно слово – настоящий хозяин старинного имения.

– Потрясающе! – восхитилась Хоуп. – Представляю, чего стоит его реставрировать.

– Да, проект солидный, но я это делаю с любовью. Когданибудь оставлю Майклу в наследство. Надо успеть привести его в порядок – а значит, жить мне еще не менее ста лет. – Он рассмеялся, Хоуп вернула фото. Она уже пожалела, что нынешняя съемка назначена не в поместье. В сравнении с его выдающимся средневековым имением этот лондонский домишко выглядел просто игрушечным. Впрочем, издательству нужен портрет крупным планом, а для этой цели окружающая обстановка не имеет значения.

– Пойду дам указания ассистентке, – сказала Хоуп, поднимаясь. – Нам потребуется некоторое время на установку аппаратуры и света. У вас есть предпочтения, в какой комнате сниматься? – Она еще раз огляделась по сторонам. Ей нравилось, как он выглядит на этом диване, расслабленный, увлеченный рассказом о своем родовом гнезде. Еще ей хотелось поснимать его за рабочим столом. И пару кадров, пожалуй, стоит сделать у книжного шкафа. Никогда заранее не скажешь, где именно случится чудо. Для этого надо начать работать и установить с клиентом контакт. На первый взгляд работать с Финном будет несложно, он производит впечатление человека открытого и незажатого. А его глаза говорят о надежности и верности. В нем чувствуется теплота и чувство юмора, как бывает у людей, хорошо знакомых и с людскими слабостями, и с жизненными невзгодами. Глаза все время будто посмеиваются. И сексуальность в нем тоже присутствует, но в сдержанном, аристократическом плане. А вот признаков любвеобильности или хуже того – распутства она в нем не заметила, что бы там ни говорил ее агент. Конечно, с такой обаятельной внешностью легко прослыть бабником. Финн был наделен удивительным обаянием и мужественной внешностью, и Хоуп подумала, что такой мужчина наверняка способен на глубокие и сильные чувства. И Хоуп догадывалась, что, когда он включает обаяние на полную мощь, устоять перед ним действительно сложно. Она была рада, что ей это не грозит, что у них сугубо рабочие отношения. В разговоре Финн высоко отозвался о ее творчестве. По некоторым вопросам и репликам она поняла, что писатель наводил о ней справки в Интернете. Он, кажется, знал обо всех ее выставках, даже о тех, о которых она сама давно позабыла. Короче, был неплохо информирован на ее счет.

Хоуп спустилась вниз и помогла Фионе разобраться с аппаратурой. Объяснила задачи, после чего они вместе поднялись на второй этаж и на месте обсудили, как ставить свет. Она решила, что сначала снимает писателя на диване, потом – за письменным столом. Хоуп смотрела, как Фиона готовит съемку, а Финн тем временем удалился в спальню и появился только через час, когда Хоуп послала к нему горничную сообщить, что у нее все готово. О’Нил вышел в мягком голубом кашемировом свитере – под цвет глаз. Свитер ему очень шел, он выглядел в нем подтянутым, сексуальным и мужественным. Он был чисто выбрит и причесан.

– Готовы? – Хоуп улыбнулась и взяла в руки «Мамию». Показала, как лучше расположиться на диване, а Фиона опробовала свет, включив софиты под отражателем, Хоуп на минуту отложила большую камеру и пару раз щелкнула «Поляроедом», чтобы продемонстрировать, как примерно будет выглядеть фото. Финн одобрил. И Хоуп начала съемку, переходя с «Мамии» на «Лейку» и «Хассельблад». Преимущественно она работала с цветной пленкой, но отсняла и несколько черно-белых кадров. Ей всегда казалось, что черно-белые

снимки смотрятся интереснее, правда, издательство заказало портрет в цвете, да и сам писатель был за цветное фото. Он считал, что на задней обложке цветной портрет будет выглядеть более естественно и создаст у читателя ощущение близости к автору, а черно-белое фото излишне высокохудожественно.

– Последнее слово за хозяином, – улыбнулась Хоуп и снова приникла к объективу. Финн рассмеялся.

– Нет уж, художник здесь вы. – Он держался перед камерой совершенно свободно, непринужденно менял поворот головы и выражение лица, как человек с огромным опытом фотосъемки, что, впрочем, соответствовало действительности. Ведь это был портрет для его одиннадцатой книги, причем все написанные за двадцать лет романы неизменно становились бестселлерами. В свои сорок шесть лет он занимал заметное место в современной американской литературе – подобное тому, какое она занимала в своей профессии. И трудно сказать, кто из них двоих был более знаменит и почитаем. В своих областях они достигли примерно равного мастерства и статуса.

Фотосессия продолжалась час, Хоуп то и дело хвалила свою модель за удачное движение или поворот головы, она уже видела, что сумеет выбрать нужный кадр из отснятого за первые тридцать минут, но решила подстраховаться. Она велела Фионе перенести свет ближе к письменному столу, предложила Финну сделать получасовой перерыв и, может быть, переодеться в белую рубашку, но не застегивать пуговицы доверху. Он спросил, не прерваться ли им на обед, на что Хоуп отвечала, что предпочла бы сначала закончить работу – если он не против. Ей не хотелось терять настроение, она боялась, что после обеда работать уже не захочется. По опыту она знала, что, раз контакт с моделью установлен, лучше закончить съемку не прерываясь. Долгий обед или бокал вина могут испортить настрой одному из них, а то и обоим, а это было совсем нежелательно. Пока то, что они делали, вызывало у нее воодушевление. О такой модели для портрета, как Финн О’Нил, можно было только мечтать, да и собеседник он был интересный. Время летело незаметно.

Через полчаса он вернулся в гостиную, как и просила Хоуп, в белой сорочке, и расположился за своим роскошным письменным столом. Хоуп убрала компьютер, уж больно неуместно он выглядел на фоне старинной мебели. И вновь подумалось, что снимать такого человека, как О’Нил, одно удовольствие, он все время шутил, развлекал ее анекдотами и историями из жизни знаменитых художников и писателей, рассказывал о своем родовом гнезде в Ирландии, а еще о своих проделках во время юношеских путешествий по миру. Когда же он заговорил о сыне и о том, как растил его без рано ушедшей матери, на глаза его даже навернулись слезы. Их беседа доставила Хоуп столько приятных минут, что она ни в малейшей степени не сомневалась, что ей будет из чего выбрать кадр для обложки.

Наконец, после завершающей серии фотографий на фоне антикварной библиотечной лестницы, фотосессия была окончена. Услышав это, О’Нил заразительно расхохотался с видом человека, радующегося вновь обретенной свободе, и Хоуп украдкой сделала еще один снимок – как знать, может, это и будет самый лучший кадр. Такое с ней уже случалось. Финн дружески приобнял ее, а она передала «Лейку» Фионе, которая с благоговением приняла бесценный груз из рук своего кумира и водрузила на стол рядом с остальными аппаратами. Затем она выдернула из сети осветительные приборы и принялась укладывать технику, а Финн повел Хоуп вниз, на кухню.

– Вы слишком много работаете! Я умираю с голода! – пожаловался он и распахнул холодильник. – Приготовить вам пасту? Или салат? Я так оголодал, что едва держусь на ногах. Неудивительно, что вы такая маленькая – не едите ничего, наверное.

– Когда работаю – почти не ем, – призналась она. – Я с головой ухожу в работу и о еде даже не вспоминаю. Я абсолютно поглощена процессом съемки! – Она улыбнулась, а Финн, понимающе кивая, слушал ее.

– То же самое со мной, когда работаю над книгой. Но бывает, я свою работу просто ненавижу. Особенно когда приходится что то переписывать. Знали бы вы, какой у меня строгий редактор! У нас с ним отношения любви и ненависти. Но с книгой работать он умеет, что правда – то правда. Неизбежное зло в нашем деле. В вашей работе такого нет, – с завистью заметил он.

– Я сама себе редактор, зато мне приходится иметь дело с заказчиками (вот как, например, ваше издательство), с музейщиками – а это тоже публика жесткая, хотя, конечно, все это нельзя сравнить с вашей переработкой текста, – согласилась она. – Всегда хотела научиться писать, для меня и открытку то сочинить – целая проблема, я мир воспринимаю визуально. У меня все через объектив – и окружающий мир, и люди.

– Понимаю. Это мне в вашей работе и нравится. Вот почему я попросил издательство заказать обложку именно у вас. – О’Нил хмыкнул и принялся ловко орудовать у плиты, сооружая омлет. Салат он успел приготовить, не прерывая беседы. – Надеюсь, мой образ в вашем исполнении не получится чересчур мрачным или черным, – проговорил он с деланой тревогой, и Хоуп удивленно посмотрела на него.

– С чего бы это? Я не увидела никаких признаков черной души или дурного нрава. Или я что то пропустила?

– Разве что некоторую наследственную странность, но это вполне безобидно. Насколько мне известно, среди моих ирландских предков были и настоящие шизики. Но не опасные для окружающих, не более чем эксцентрики. – Финн улыбался.

– Вполне невинная вещь, – согласилась Хоуп, а он уже раскладывал омлет по тарелкам. – У каждого свои странности. Я, например, после развода с мужем отправилась на несколько месяцев в Индию – привести мысли и чувства в порядок. Думаю, для кого то это тоже может показаться странностью. – Они расположились в уютной зеленой столовой за красивым столом красного дерева. По стенам здесь висели картины со сценами охоты, и было одно полотно с птицами кисти знаменитого немецкого художника.

– В Индию? И как там? – оживился Финн. – Никогда не бывал в Индии. Но давно мечтаю.

– Там потрясающе! – У Хоуп загорелись глаза. – В жизни не получала столько впечатлений! После Индии у меня вся жизнь перевернулась, я стала по новому смотреть на вещи и даже на саму себя. Там такие красивые места! Нигде в мире, наверное, такого больше не встретишь. У меня, кстати, только что открылась выставка индийских фотографий.

– Кажется, я видел парочку ваших снимков в каком то журнале, – сказал Финн, переходя от омлета к салату. – Нищие, дети... И потрясающий закат над Тадж-Махалом.

– Еще я ездила на фантастически красивые озера. Никогда не встречала таких романтических мест, как в Индии. И таких печальных одновременно. Я месяц прожила в приюте матери Терезы, потом месяц – в тибетском монастыре, затем в ашраме. Я там словно заново обрела себя. Так бы и осталась навсегда!

Он взглянул в ее глаза – в них была глубина и покой, а за ними, еще дальше, – затаенная боль. Финн прочел в ее глазах, что она много страдала. Интересно, только ли из за развода и болезни мужа? Неважно из за чего, но он видел, что Хоуп знавала и радость, и горе и все равно сохранила невероятную уравновешенность и удивительную доброжелательность. Она смотрела на него с мягкой улыбкой.

– Всегда мечтал совершить нечто подобное, – признался он, – но не хватает духа. Наверное, боюсь оказаться лицом к лицу с самим собой. Уж лучше воевать с полчищами демонов. – Хоуп оценила его откровенность и кивнула.

– Там чувствуешь такое умиротворение! В монастыре нам запрещалось разговаривать. Оказалось, молчание приносит душевный покой и залечивает раны. Хотелось бы еще когданибудь там побывать.

– Может, вам, наоборот, надо развеяться? – В глазах Финна неожиданно мелькнули озорные огоньки. – Вы надолго в Лондон? – Он откинулся на спинку стула и с улыбкой смотрел на нее. Что то в ней было загадочное, интригующее.

– Завтра улетаю в Нью-Йорк, – улыбнулась в ответ Хоуп.

– Ну, для Лондона это слишком мало! А какие планы на сегодняшний вечер?

– Не знаю, наверное, буду отсыпаться. А перед этим закажу в номер ужин, – усмехнулась она.

– Ну уж нет! – возмутился писатель. – Может, хотя бы поужинаете со мной?

Хоуп задумалась на секунду, а потом кивнула. Никаких дел у нее не было, а собеседник он интересный. – Только у меня нет с собой соответствующего наряда, – неожиданно смутилась она.

– Он вам и не понадобится. Наденете брюки и свитер. Вы Хоуп Данн и вправе носить то, что вам нравится. Пойдете со мной в бар «Хэррис»? На мой вкус, там лучшая в мире итальянская кухня. – Хоуп хорошо знала это заведение, она бывала там. Это был один из самых изысканных клубов в Лондоне, его посещали все знаменитости. Дамы всегда в вечерних платьях, мужчины – в темных костюмах. И Финн прав, готовят там отменно.

– С большим удовольствием! Но вас точно не смущает, что у меня нет с собой вечернего наряда? – Хоуп испытывала неловкость, но поужинать в его компании было заманчиво. Финн умен, он интересный собеседник, остроумен, не говоря обо всем остальном. За весь день с ним она ни секунды не скучала. Он был образован и наделен блестящим умом. Трудно было устоять перед соблазном провести с ним несколько часов и узнать его поближе. Она ведь приехала в Лондон ради него. А Пол все равно уже улетел.

– Хоуп, для меня будет честью отужинать с вами, – торжественно и серьезно объявил Финн. О’Нил был вполне искренен – он давно не встречал такой интересной женщины. – Расскажите мне про Индию, а я развлеку вас историями об Ирландии, – подзадорил ее он. – И о том, как реставрируют дома трехсотлетней давности.

О’Нил обещал заехать за ней в половине девятого, и, как только водитель погрузил в машину аппаратуру, Хоуп с Фионой попрощались с хозяином. Все это время Фиона, сжевав на обед приготовленный горничной сэндвич, тихонько сидела в малой гостиной и читала книгу. Ее нисколько не раздражало это долгое ожидание – ведь она работала с самой Хоуп Данн!

В отеле Фиона разложила и расставила аппаратуру по местам, а камеры убрала в футляры. Она ушла только в пять часов, а на прощание призналась, что это был замечательный день. Закрыв за ассистенткой дверь, Хоуп прилегла отдохнуть, а в голове все крутился разговор с Финном. Вот за что она любит портреты. Не столько важна сама работа, как люди, которых снимаешь. Вот и сегодня, как уже не раз бывало, ее моделью оказался незаурядный человек. Книги О’Нила ей нравились, тем интереснее оказалось знакомство с человеком, который их написал. Романы были мрачноватые, но на то они и триллеры. Надо будет вечером расспросить его поподробнее, решила она. И похоже, его, в свою очередь, заинтересовала ее работа.

Хоуп проспала два часа и поднялась как раз вовремя, чтобы успеть принять душ и одеться к ужину. Как она и говорила О’Нилу, ничего нарядного у нее с собой не было, только черные брюки и свитер, но туфли она все же надела на каблуках. Как хорошо, что хоть шубу захватила, подумала она, Финну не придется краснеть за нее перед швейцарами «Хэрриса». Конечно, ей не угнаться за расфуфыренными светскими дамами, которые там наверняка будут, но она по крайней мере выглядит вполне прилично. Волосы Хоуп собрала в пучок, наложила чуть чуть косметики, подкрасила губы и спустилась в холл, где была назначена встреча, и села на диван.

Финн появился пятью минутами позже. Он вошел в холл гостиницы энергичным шагом. Финн был в темно-синем костюме и черном кашемировом пальто элегантного покроя. Он был безупречен и, пока они шли к выходу, привлекал всеобщее внимание. А когда он усаживал ее в припаркованный у тротуара «Ягуар», несколько человек узнали знаменитого писателя. Отправляясь в Лондон, Хоуп и подумать не могла, что ей предстоит такой выход в свет, но сейчас ей нравилось быть в его обществе, и улыбка всю дорогу не сходила с ее лица.

– Как здорово! Спасибо вам, Финн, – тепло произнесла она, а он повернулся к ней с улыбкой. Ресторан находился всего в нескольких кварталах, и уже через несколько минут они были на месте.

– Я тоже предвкушаю прекрасный вечер. Потрясающе выглядите, между прочим. Подлинный шик! – Хоуп уже давно не выходила в свет, да ей и не хотелось. Вечерами она вообще редко куда либо выбиралась, разве что на музейные вечеринки или на собственные выставки. Ужин в таком ресторане, как «Хэррис», – это больше по части Пола. В Нью-Йорке, хочешь не хочешь, она была участницей артистических тусовок, что было связано с ее работой. А эта публика не ходила в дорогие рестораны, все больше в небольшие бистро и кафе в Сохо или Челси.

Метрдотель был сама любезность, судя по всему, он хорошо знал О’Нила. Мимо разномастной нарядной публики они, вслед за метрдотелем, прошли к дальнему столику в тихом уголке зала. Слышалась итальянская, арабская, испанская, русская, немецкая и французская речь – это, само собой, в дополнение к английской. Как только они сели, Финн заказал мартини. Хоуп попросила себе бокал шампанского и принялась с интересом разглядывать зал. Все те же рисунки на стенах. Ничто не изменилось с тех пор, как они в последний раз были здесь с Полом. А ведь прошло уже много лет.

– Расскажите, как вы занялись фотографией, – попросил Финн, когда принесли напитки и Хоуп пригубила шампанского.

Этот вопрос ее неожиданно рассмешил.

– Я уже в девять лет влюбилась в фотоаппарат. Мой отец был профессором в Дартмуте, а мама – художницей. Бабушка подарила мне фотокамеру на день рождения, и я была в восторге. Я была единственным ребенком в семье и всегда умела себя занять. В те годы жизнь в Нью-Гэмпшире была тихая и спокойная. Но с тех пор, как у меня в руках появилась фотокамера, я никогда не скучала. А вы? – спросила она. – Когда вы начали писать?

– Как и вы. В детстве. Я тоже был единственным ребенком и все время читал. Книги были моим прибежищем.

– От чего? – удивилась Хоуп. Хоть они и работали в разных областях творчества, талант был тем, что их, безусловно, объединяло.

– От одиночества. Мои родители были очень дружны, и я частенько чувствовал себя лишним. В их жизни ребенку отводилось мало места. Они у меня были в возрасте. Отец был успешным врачом, мама в свое время блистала в числе первых красавиц Ирландии. Она восхищалась отцом и тем, что он делает, я же интересовал ее гораздо меньше. И я придумал себе вымышленную жизнь, стал жить фантазиями и много времени проводил за книгами. Я всегда знал, что буду писать. Первую книгу написал в восемнадцать лет.

– И ее издали? – Хоуп была поражена услышанным. Финн с усмешкой покачал головой.

– Нет, не издали. И две следующие тоже. Первая книга, увидевшая свет, была у меня четвертой. К тому времени я как раз получил диплом. – Она знала, что он учился в Колумбийском университете, а потом окончил Оксфорд. – Ну а успех пришел гораздо позже.

– А чем вы занимались до того, как стали издаваться?

– Учился, читал, продолжал писать. Много пил. – Он хохотнул. – За юбками ухлестывал. Я рано женился, в двадцать пять лет, сразу после выхода второй книги. Работал официантом и плотником. Моя жена и мать Майкла была моделью в Нью-Йорке. – Он улыбнулся. – Всегда питал слабость к интересным женщинам. Она была фантастически красивая девушка. Избалованная, с невыносимым характером, самовлюбленная, но очень хорошенка, я таких больше не встречал. Она тоже была совсем девчонка, и вскоре после рождения Майкла все у нас пошло наперекосяк. Наверное, мы оба были не готовы к роли родителей. Она бросила работу, мы только и делали что тусовались. Денег не хватало, оба от этого комплексовали.

– А как она умерла? – осторожно поинтересовалась Хоуп. То, что он описывал, больше походило на предысторию развода, нежели трагической утраты. Оказалось, она недалеко от истины.

– Как-то в Саутгемптоне, когда она поздно вечером возвращалась с очередной гулянки, в нее врезался пьяный водитель. К тому времени мы без конца то сходились, то расходились, но, слава богу, отправляясь веселиться, она всегда оставляла Майкла на меня. Ей было двадцать восемь, мне – тридцать три. Думаю, в конце концов дело бы кончилось разводом. Но все равно, когда она погибла, я очень переживал. И я вдруг оказался с ребенком на руках. Надо сказать, это были для меня нелегкие годы. Но, к счастью, мальчик у меня замечательный и, кажется, простил мне все ошибки, которых, признаюсь, я наделал немало. Мои родители к тому времени уже умерли, помощи ждать было неоткуда, но мы справились. Я сам его растил. Мы, можно сказать, выросли одновременно. – На его лице мелькнула мальчишеская улыбка, но в ней было и что-то от улыбки прекрасного обольстителя, разбившего немало женских сердец. И неудивительно. В этом человеке было что-то очень непосредственное, открытое и искреннее. Он не скрывал ни своих недостатков, ни своих страхов.

– И вы больше так и не женились? – Хоуп находилась под впечатлением от его истории.

– Я слишком много времени уделял сыну. А теперь, похоже, поезд уже ушел. Я большой эгоист и раб своих привычек. Впервые в жизни после отъезда Майкла я предоставлен сам себе. Хочется продлить удовольствие. Да и обременять никого не хочу. Ведь быть замужем за писателем не такая уж большая радость. Бо́льшую часть времени я прикован к столу, иногда месяцами не выхожу из дома. Ну какой женщине это понравится?! А меня такая жизнь вполне устраивает.

– То же самое могу сказать о себе и своей работе, – охотно поддержала его Хоуп. – Порой она забирает тебя с головой. Мой муж относился к этому с пониманием и очень меня поддерживал. Он и сам был человек занятой. Даже очень занятой – на пике карьеры. Женам врачей тоже нелегко приходится. Но это не мой случай. – Она отвела глаза и помолчала, потом взглянула на Финна с улыбкой. – Мне было чем заняться. – Зная, сколь плодотворно Хоуп трудилась все эти годы, он догадался, что она имеет в виду работу.

– А чем он занимался после вынужденной отставки?

– Преподавал. В Гарварде. Мне был хорошо знаком ученый мир – благодаря отцу. Гарвард, конечно, котируется выше Дартмута, но там больше снобизма и конкуренция жестче. Но преподавания Полу оказалось мало, он еще имел отношение к созданию двух фирм по производству хирургического оборудования. Очень был увлечен этим бизнесом, и у него все получалось. Думаю, это то, что спасало его в первые годы, когда он уже не мог практиковать. Успех в новой для себя области, мне кажется, очень поддержал его, хотя бы на время. А потом ему стало хуже, и все изменилось. Тяжело видеть его больным и немощным, а ведь он еще совсем не старый человек! – Глаза Хоуп наполнились слезами, она вспоминала, как Пол выглядел накануне за обедом, как трудно ему было идти или держать в руке вилку, но, несмотря на физическую немощность, он держался с большим достоинством.

– А чем он теперь занимается? Вы по нему не скучаете?

– Конечно, скучаю. Но он не хотел, чтобы я за ним ухаживала. Гордость не позволила. В нашей жизни все изменилось, когда он заболел. И не только поэтому. Знаете, жизнь иногда бывает безжалостна, и даже если ты любишь человека, прошлого не вернуть. Три года назад он купил парусную яхту и теперь проводит на ней большую часть года. А живет он постоянно в Лондоне, летает в Бостон на лечение, периодически наезжает в Нью-Йорк. Ему все труднее передвигаться без посторонней помощи. На яхте все проще. Там его опекает команда. Сегодня он как раз улетел на Карибы.

– Грустная история, – посочувствовал Финн. Он не понимал, как Пол мог отпустить от себя такую женщину, как Хоуп. И по тому, как она говорила, было ясно, что она все еще любит своего бывшего мужа и ей не безразлична его судьба. – Здоровый человек такой жизни мог бы только позавидовать, но, когда ты болен, ничто уже не радует.

– Это верно, – согласилась Хоуп. – В Гарварде он включен в экспериментальную программу по лечению болезни Паркинсона, и до недавнего времени все вроде бы шло неплохо.

– А сейчас?

– Хуже. – Она не стала вдаваться в детали, и Финн молча кивнул.

– А как живете вы, когда не сбегаете в Тибет или в Индию и не живете в монастырях? – Он улыбался, задавая этот вопрос. Бокалы у обоих были уже пусты.

– Я живу в Нью-Йорке. По работе приходится много ездить. А в свободное время уезжаю на мыс Кейп-Код, но это случается нечасто. По большей части мотаюсь по миру и фотографирую. Либо работаю с музеями, готовлю выставки.

– А почему Кейп-Код?

– Там дом моих родителей. В детстве меня вывозили туда на лето, я обожаю это место. Это в Веллфлите, симпатичном и сонном городишке. Ничего особенного или фешенебельного. Простой летний дом, но меня он устраивает, мне там легко дышится. А какой изумительный вид на океан! Когда мы поженились, то на лето переселялись туда. Мы тогда в Бостоне жили. А два года назад я перебралась в Нью-Йорк. Там у меня замечательный лофт, в Сохо.

– И с кем вы живете?

– Меня устраивает нынешнее положение дел. Как и в вашем случае, могу сказать, что жить с фотографом, которого никогда не бывает дома, не всякий захочет. Зато теперь я могу делать много такого, чего никогда не позволяла себе, будучи замужем. Я мотаюсь по всему свету, можно сказать – живу на чемоданах. В каком то смысле моя ситуация противоположна вашей, я не сижу дома безвылазно за письменным столом, но вряд ли кому понравится жена, которая вечно не бывает дома и которая ничего, кроме своей работы, не видит. Я, правда, никогда не считала это эгоизмом, – припомнила она слова Финна, – но, пожалуй, вы правы, это эгоизм. Теперь я ни перед кем не отчитываюсь и никому ничем не обязана. Могу быть там, где хочу. – Он слушал и согласно кивал. Заказали еду. Оба решили взять на ужин пасту и обойтись без первого. Они с удовольствием беседовали, а Финн особенно оживился, когда стал рассказывать о своем ирландском особняке. Чувствовалось, что он испытывает нежные чувства к родовому гнезду, которое для него так много значит. Этот дом был частью истории его семьи, неразрывно связанной с его жизнью и дорогой его сердцу.

– Вы непременно должны как-нибудь приехать ко мне и увидеть его своими глазами! – воскликнул он. Хоуп не стала возражать.

– А в какой области медицины работал ваш отец? – спросила она, с аппетитом поглощая пасту, не обманувшую ожиданий. Она помнила, что здесь всегда вкусно кормили, но сегодняшний ужин был выше всяких похвал.

– Терапия. Дед у меня был землевладельцем в Ирландии и больше, по сути, ничем не занимался. А отец привык трудиться, он учился в Штатах. Потом вернулся в Ирландию, женился на моей матери и увез ее с собой за океан. Но она так и не сумела привык-

нуть к жизни вдали от Ирландии. Она умерла довольно рано, отец ненамного ее пережил. Я тогда еще был студентом. Родители и заразили меня Ирландией. А тот факт, что они были ирландцы, значительно облегчил мне получение ирландского гражданства, когда я на это решился.

С точки зрения налогов мне был прямой резон отказаться от американского гражданства. Трудно устоять, если знаешь, что в Ирландии писатели освобождены от подоходного налога. Для меня это оказалось решающим фактором, особенно когда книги стали выходить большими тиражами и хорошо раскупаться. А теперь, вернув себе дом предков, я, надо думать, осел здесь навсегда, хотя Майкла мне вряд ли удастся уговорить переехать. После диплома он хочет делать карьеру в сфере высоких технологий, и, хотя в Дублине тоже есть такие возможности, он твердо решил пробиваться в Силиконовой долине либо в Бостоне. Типичный американский ребенок! Пускай ищет свое место в жизни. Не хочу вмешиваться, хотя я ужасно скучаю без него. Может, со временем он передумает и вслед за мной переберется в Ирландию. Все таки зов крови... Я был бы только рад, но он пока об этом и слышать не хочет.

Финна тянуло спросить, почему у Хоуп нет детей, но он не решался. Может, муж был чересчур занят своей карьерой, а она ему не перечила. С ее мягкостью и предупредительностью это легко себе представить, хотя теперь она превратилась в женщину, целиком поглощенную собственной карьерой. И все таки, как она сказала, они были женаты двадцать один год...

В разговорах о жизни, о художественных пристрастиях и интересах вечер прошел незаметно, и оба были даже огорчены, когда настало время покидать этот уютный ресторан. Хоуп еще позволила себе десерт и шоколад, которыми тоже славился «Хэррис». А Финн признался, что раньше, когда курение еще было разрешено, его здесь всегда терзало искушение стащить фирменную цветную пепельницу венецианского стекла. Хоуп представила себе, как известный писатель украдкой запикивает красивую пепельницу в карман элегантного синего костюма, и расхохоталась. С трудом верилось, что он на такое способен, хотя искушение наверняка было велико. Ей тоже всегда нравились эти пепельницы. А теперь они стали коллекционными раритетами.

После ужина Финн повез ее назад, в отель, но на середине пути вдруг притормозил.

– А можно пригласить вас выпить еще по стаканчику? Вы же не уедете из Лондона, не побывав в «Аннабелс», тем более перед Рождеством. Вот где жизнь! – предложил он с надеждой во взгляде, и Хоуп хотела было отказаться, но пощадила его чувства. Она устала, но на один стаканчик ее еще хватило бы. Общение с Финном доставило ей удовольствие, она уже давно так чудесно не проводила вечер, да и когда еще доведется? В Нью-Йорке она живет отшельницей, по ночным клубам и ресторанам не ходит, а приглашения от таких красавцев, как Финн, забыла когда и получала.

– Ну хорошо, разве что по стаканчику, – согласилась Хоуп. «Аннабелс» встретил их оживленным гулом. Жизнь, как и говорил Финн, была здесь ключом. Они сели за стойкой, выпили по два бокала шампанского, и, прежде чем уехать, он пригласил ее потанцевать, после чего наконец отвез в «Клэриджес». Вечер прошел чудесно, оба остались довольны. Он получил удовольствие от общения, ей его общество тоже было приятно.

– После такого вечера невольно задаешься вопросом: что я там делаю в Ирландии, в гордом одиночестве? Вы заставили меня пожалеть, что я уехал, – проговорил Финн по дороге в отель. Он заглушил двигатель и повернулся к ней. – Кажется, сегодня я понял, что скучаю по Лондону. Все таки редко я здесь бываю. Впрочем, вы все равно не здесь, а значит, эффект был бы не тот. – Хоуп рассмеялась в ответ. Ей импонировало его мальчишество, а вот утонченность несколько пугала. От такого сочетания недолго и голову потерять. У Финна к ней было аналогичное чувство. Его привлекала ее нежность, ум, тонкий, но живой юмор.

Он чудесно провел с ней время, такого с ним давно не случалось, во всяком случае, так он сказал. Обаятельный мужчина, что и говорить, но не обманчиво ли первое впечатление – кто знает? Впрочем, это и неважно. Главное, что оба прекрасно провели вечер.

– Финн, это был чудесный вечер, спасибо вам, – любезно поблагодарила Хоуп.

– Я тоже получил большое удовольствие. Жаль, что вы завтра улетаете, – искренне произнес он.

– Мне тоже, – призналась Хоуп. – Из-за своих многочисленных поездок я подзабыла, как я люблю Лондон. – В этом городе ее привлекала ночная жизнь, а еще она обожала лондонские музеи, на которые в этот раз у нее, к сожалению, совсем не было времени.

– А может, мне удастся уговорить вас задержаться еще на денек? – с надеждой в голосе предложил Финн, но Хоуп отрицательно покачала головой, хотя ей и самой этого хотелось.

– И не пытайтесь. Мне правда нужно возвращаться, надо же поработать над портретом. Ведь срок сдачи на носу.

– Долг зовет. Как я это ненавижу! – О’Нил был разочарован. – Когда в следующий раз буду в Нью-Йорке, непременно вам позвоню, – пообещал он. – Не знаю, когда это будет, но рано или поздно...

– Мне не удастся повторить для вас сегодняшний вечер!

– В Нью-Йорке тоже есть куда пойти. У меня там есть любимые места. – Уж в этом Хоуп не сомневалась. Как наверняка и в Дублине. И в любом другом городе, где он бывает. Не похож он на человека, готового сидеть вечерами напролет дома – если только не работает над книгой. – Спасибо, Хоуп, что сегодня поужинали со мной, – учтиво поблагодарил он, помогая ей выйти из машины. Мороз пробирал до костей, и она зябко куталась в шубу на ледяном ветру, пока шла от машины к отелю. – Я позвоню, – пообещал он, и она еще раз его поблагодарила. – Успешного полета!

– А вам веселого Рождества вместе с Майклом, – пожелала она с улыбкой.

– Он приедет всего на пару дней, а потом умчится с друзьями в горы. В последнее время у него на меня времени не хватает. Пять минут – и был таков. Возраст, знаете ли... А я безнадежно устарел.

– Радуйтесь и этим пяти минутам! – мудро посоветовала она, целуя его в щеку.

– Берегите себя, Хоуп! И еще раз спасибо за вечер, я получил удовольствие.

– Спасибо вам, Финн. Я тоже. Постараюсь поскорее прислать вам снимки на утверждение. – Он поблагодарил и помахал рукой, и она ступила в вестибюль, погруженная в свои мысли. Какой прекрасный выдался вечер! Она даже не ожидала. Поднимаясь в лифте, Хоуп пожалела, что ей завтра улетать. После Лондона запланированная поездка на Кейп-Код и впрямь представлялась неимоверно скучной.

Глава 4

В Нью-Йорке опять шел снег. Наутро после возвращения Хоуп выглянула в окно и, увидев, что Принс-стрит покрыта шестью дюймами снега, решила на море не ездить. Лондонская поездка напомнила ей, что и в городе можно интересно провести время, и, когда после обеда все отправились за покупками, Хоуп поехала в музей Метрополитен посмотреть новую выставку средневекового искусства, после чего пешком вернулась к себе в Сохо под непрекращающимся снегопадом, перешедшим в настоящую метель.

Город словно вымер. Машин на улицах не было, найти такси невозможно, и только немногие негибимые личности вроде нее шагали домой, пробиваясь сквозь снег и ветер. Государственные учреждения закрылись рано, а школьников уже распустили на каникулы. С покрасневшими щеками, слезящимися глазами и окоченевшими от холода руками Хоуп вернулась к себе домой и первым делом приготовила чай. Прогулка придавала ей бодрости. Она едва устроилась с чашкой горячего чая, когда позвонил Марк Веббер. Он звонил из дома – его бюро закрылось до самого Нового года. Едва ли можно было ожидать заказов между рождественскими и новогодними праздниками.

– Как все прошло? – спросил Веббер, разбираемый любопытством, ведь клиент был весьма неординарный.

– Замечательный человек! Содержательный, умный, снимать – одно удовольствие. И внешне не обижен. О таком заказчике можно только мечтать, и знаешь, он не имеет ничего общего со своими мрачными героями. Я еще не смотрела, что получилось, но наверняка несколько отличных кадров будет.

– Он что же, даже не попытался тебя изнасиловать? – со смехом спросил Марк.

– Представь себе, нет! Пригласил на ужин не куданибудь, а в «Хэррис», потом в «Аннабелс» выпить. Обращался со мной, как с какой-нибудь знаменитостью. Или престарелой богатой родственницей.

– Уж это вряд ли! Кто станет вести престарелую родственницу в Лондоне в фешенебельный ресторан и ночной клуб?

– Он вел себя весьма достойно, – заверила Хоуп. – И оказался необычайно интересным собеседником. Такой разносторонний человек! В какой-то момент я даже пожалела, что мы снимаем не в Дублине, там он, наверное, смотрелся бы более органично, но я уверена, что хорошие кадры у нас все равно будут. И даже больше, чем нужно. С ним было легко работать, он все схватывает с полуслова. – Не говоря уже о внешности кинозвезды. Но об этом Хоуп промолчала. – В Лондоне у него домик величиной со спичечную коробку, с аппаратурой пришлось помучиться, но мы справились. Зато другой дом, под Дублином, похоже, не уступает Букингемскому дворцу. Вот бы где мне понравилось.

– Что ж, спасибо, что оперативно откликнулась. Издательству крупно повезло. Что собираешься делать на праздники? Не отказалась от затеи съездить на Кейп-Код? – В такую погоду этот план не выглядел привлекательным. Марк надеялся, что она передумала.

Хоуп выглянула в окно и улыбнулась, она любила смотреть на снег. Земля уже была укрыта покрывалом толщиной не менее двух футов, а снег все шел и шел, и нестихающий ветер взметал его вверх белыми спиралями. К утру обещали толщину снежного покрова до трех футов.

– В такую погоду, конечно, не поеду, – усмехнулась Хоуп. – Я хоть и сумасшедшая, но не настолько, хотя там, конечно, сейчас очень красиво. – К вечеру большинство трасс оказались закрыты для проезда, и можно было представить, каким кошмаром в такой ситуации обернется дорога. – Останусь дома. – Финн дал ей прочесть свою новую книгу, а еще

предстояло выбрать фотографии для выставки, которую устраивал музей в Сан-Франциско. Но главное – посмотреть, что вышло из лондонской фотосессии.

– Ну, звони, если заскучаешь, – сказал искренне Марк, он, впрочем, не надеялся, что она позвонит. Хоуп была очень независима и за несколько последних лет привыкла к уединенной жизни. Но Марк хотел, чтобы она по крайней мере знала, что есть человек, который о ней думает. Временами он начинал за нее беспокоиться, хотя и знал, что она умеет занять себя. Ее с таким же успехом можно было встретить с фотокамерой на улицах Гарлема в ночь перед Рождеством, как и в придорожном кафе для дальнотойщиков где нибудь на Десятой авеню в четыре часа утра. Это была ее работа и ее жизнь. Марк ею восхищался, тем более что именно так и появлялись на свет фотографии, составлявшие ее славу.

– Со мной все будет в порядке, – заверила его Хоуп.

Распрощавшись с Марком, она зажгла свечи, погасила свет, села у незанавешенного окна и стала смотреть на падающий снег. Она не стала закрывать жалюзи. В комнату лился свет уличных фонарей, и Хоуп откинулась на спинку дивана, любуясь зимней сказкой за окном. Но тут опять зазвонил телефон. Кто бы это мог быть, в ночь перед Рождеством, подумала она. Телефон у нее звонил только в рабочее время и только по делу. Она ответила, но голос показался ей незнакомым.

– Хоуп?

– Да. – Она подождала немного, давая звонившему возможность представиться.

– Это Финн. Звоню удостовериться, что вы благополучно долетели. Говорят, у вас в Нью-Йорке метель. – Его голос звучал тепло и дружелюбно, а сам звонок стал для Хоуп приятной неожиданностью.

– Так и есть, – подтвердила она. – Снег валит не переставая. Я прошла пешком от музея Метрополитен до Сохо. Какое наслаждение!

– А вы смелая женщина! – восхитился О’Нил. До чего у него глубокий, бархатный голос! – Мой ирландский дом стоит в горах, вот где бы вам понравилось! Там можно гулять часами, от одной деревни до другой. Я тоже люблю пройтись, но по Нью-Йорку в метель – увольте! Я сегодня пытался дозвониться до своего издательства, но даже они закрыты.

– Просто все офисы уже закрылись на праздник, снегопад тут ни при чем.

– А как вы проводите Рождество, Хоуп? – Он уже понял, что из за разыгравшейся непогоды поездка на море не состоится.

– Буду болтаться тут в округе, фотографировать. Есть у меня кое какие идеи. Еще хочу отсмотреть нашу с вами сессию и заняться портретом.

– И нет ни одного человека, с кем бы вы хотели встретить Рождество? – прочувствованно спросил он.

– Нет. Люблю проводить праздники в одиночестве. – Хоуп немного кривила душой, но так складывалась ее жизнь на данный момент. Пройдя отличную школу в индийском ашраме и тибетском монастыре, она научилась не противиться обстоятельствам. – Что такое праздник? Еще один день, не более. А как ваш сын? – переменяла она тему.

– Превосходно. Сейчас отправился ужинать с приятелем. – Хоуп взглянула на часы – в Лондоне было одиннадцать. И сразу вспомнился тот дивный вечер, что они провели вместе с Финном. – Через два дня он улетает в Швейцарию. У меня он теперь надолго не задерживается. Вот что значит ребенку двадцать лет. Но я его не виню, я тоже был таким в его возрасте. Ни за что не стал бы торчать с родителями! Правда, Майкл намного послушнее. Завтра прилетает его девушка, так что хоть Рождество они проведут со мной, а в ночь им уже лететь.

– И чем предполагаете заняться после их отъезда? – поинтересовалась Хоуп. Порой ей думалось, он ведет такой же уединенный образ жизни, как и она, хотя, конечно, намного чаще выходит в свет, и, кроме того, у него есть сын. Но то, как он описывал свою работу над

каждой книгой, вполне соответствовало ее образу жизни в Сохо или на Кейп-Коде. Похоже, у них было много общего.

– Да вот думаю, не отправиться ли завтра в Дублин. Надо книгу закончить, да и новая уже вырисовывается. Знаете, сейчас все бегут из Лондона, как с тонущего корабля, по своим загородным домам. Вот и мне, наверное, лучше быть в Руссборо. – Так назывался маленький городок под Дублином, рядом с которым и стоял его особняк. За ужином в «Хэррис» Финн ей об этом рассказывал. Она знала, что его родовое гнездо находится к северу от Руссборо, а по соседству – еще один такой же особняк, только, по его словам, в гораздо лучшем состоянии. Но Хоуп не сомневалась, что и дом О’Нила очень красив, даже если и нуждается в реставрации. – А вы, как метель утихнет, – на Кейп-Код?

– Пожалуй, несколько деньков повременю. Тем более объявили, будто бы буря сдвигается к океану, а значит, на побережье будет очень ветрено и холодно. В любом случае надо сначала дожидаться, пока дороги расчистят. А в доме в любую погоду уютно.

– Ну что ж, Хоуп, веселого вам Рождества! – пожелал Финн, и в голосе послышалась грусть. Финн был рад с ней познакомиться, но дальше поддерживать контакты не было никаких причин, сперва надо хотя бы фотографии увидеть. Ему не терпелось поскорее посмотреть, что вышло, и снова поговорить с ней. Он чувствовал, что между ними существует странная, необъяснимая связь. Милая женщина, одни глаза чего стоят – в них можно утонуть и не очнуться! Финну хотелось узнать о ней больше, хотя она уже многое рассказала ему о своем браке с Полом и о разводе, но его не покидало ощущение воздвигнутой стены, за которую никому не дозволено проникнуть. Она была довольно сдержана, но в то же время доброжелательна и полна сострадания к людям. Для него Хоуп осталась женщиной-загадкой, точно так же, как какие то стороны его души остались тайной для нее. И незадаанные вопросы теперь мучили обоих. Они принадлежали к породе людей, привыкших читать в людских душах и сердцах, но друг для друга в какой то степени остались закрытыми.

– И вам! Приятно провести Рождество с вашим сыном, – сказала Хоуп, и они распрощались. Хоуп осталась сидеть, с недоумением глядя на телефон. Звонок Финна ее удивил. Ни к чему не обязывающий и ничего не обещающий разговор, но такой теплый, такой доброжелательный. Хоуп невольно вспомнила проведенный вместе с Финном вечер. Казалось бы, прошло всего два дня, а ощущение такое, что сто лет. И что Лондон с Нью-Йорком разделяют миллионы миль галактического пути.

Но еще больше ее удивила пришедшая от него тем же вечером электронная почта. «Получил большое удовольствие от сегодняшнего разговора. Ваши глаза преследуют меня, как наваждение. А еще – те тайны, что они скрывают. Надеюсь скоро увидеть вас снова. Берегите себя. Счастливого Рождества! Финн». Ей бросилось в глаза, что он пожелал ей «счастливого Рождества», а не «веселого», как принято у англичан. Хоуп была в недоумении, она не знала, как реагировать на это послание. Ей сделалось немного не по себе и вспомнилось предостережение Марка Веббера, что О’Нил – записной бабник. Может, он просто подбивает к ней клинья? Жаждет очередной победы? И все же нельзя не признать, что в Лондоне он вел себя исключительно корректно. И на какие такие тайны он намекает? Что он прочел в ее глазах? Или все это только игра? Однако и тон этого письма, и их сегодняшний разговор по телефону не оставляли сомнения в его искренности. Может, за другими женщинами он и ухлестывает, но в отношении себя она чувствовала нечто иное. И еще ее поразило слово «наваждение». На его почту Хоуп ответила только на следующий день. Не хотелось, чтобы он заподозрил ее в нетерпении, да его и не было. Она надеялась, что они станут друзьями. У нее уже бывали такие случаи с клиентами в прошлом. Со многими из тех, кого она снимала в прошедшие годы, она стала дружить, пусть и видятся они нечасто, а от случая к случаю.

Утром в сочельник Хоуп присела к письменному столу с чашкой чая и составила ответ на электронное послание О'Нила. За окном царило белое безмолвие, все было укутано девственно-белым снегом, а в Лондоне уже вечерело.

«Спасибо за письмо! И за вчерашний звонок. Мне тоже было приятно с вами говорить. Сегодня у нас очень красиво, настоящая зимняя сказка, все покрыто снегом. Я собираюсь в Центральный парк – поснимаю детвору на санках, банальная вроде бы тема, но меня она завораживает. Никаких секретов нет, только вопросы, на которые нет ответа, и память о людях, которые были в нашей жизни и покинули ее, пробыв с нами столько, сколько было предначертано. Мы не в силах изменить нашу жизнь, а можем лишь наблюдать ее течение и с достоинством принимать все перипетии. Пусть нынешнее Рождество принесет вам радость и счастье! Хоуп».

К немалому ее изумлению, уже через час пришел ответ, как раз когда она собралась выйти на улицу – тепло оделась и взяла камеру на плечо. Ее остановил писк компьютера, возвестившего о пришедшей почте, она вернулась проверить, стянула перчатки и открыла письмо. Оно опять оказалось от Финна.

«Никогда не встречал такой благородной женщины, как вы. Жаль, я сегодня не с вами. Хочу тоже пойти в Центральный парк и кататься с детьми на санках. Возьмите меня с собой! Финн». Хоуп улыбнулась, мальчишеские повадки сквозили в каждой строчке. Отвечать она не стала, натянула перчатки и вышла из дому. Она не знала, что ответить, да и вступать в серьезную переписку в ее планы не входило. Она не хотела идти у него на поводу и принимать его правила игры.

Пройдя квартал пешком, она взяла такси у отеля «Мерсер» и уже через полчаса была в Центральном парке. Некоторые улицы успели расчистить от снега, но большинство – нет, а снегопад продолжался. Таксист высадил ее возле южного входа в парк, и она пошла вдоль зоопарка. В конечном итоге ноги принесли ее к горкам, где всю резвилась детвора, кто на обычных санках, кто на круглых пластиковых ледянках. Чуть в стороне стояли мамы и следили за своими отпрысками, поживаясь от мороза, а отцы катались вместе с детьми и быстро ставили на ноги упавших с санок ребятишек. Дети визжали и смеялись, явно получая удовольствие, и Хоуп украдкой фотографировала, наводя объектив на озаренные радостью и весельем детские лица. Неожиданно, помимо ее воли, эта картина отбросила ее назад, в прошлое, к той ране в сердце, что никак не хотела заживать. У Хоуп на глаза навернулись слезы, на сей раз не от мороза, а от грустных мыслей, и чтобы отвлечься, она принялась снимать причудливо застывшие в снежном обрамлении ветви деревьев, но это не отвлекло ее от тягостных воспоминаний. От нахлынувшей боли перехватило дыхание, и, обливаясь горячими слезами, Хоуп опустила камеру, отвернулась и стремглав сбежала с горки. Она выскочила из парка, словно спасалась бегством от атаковавших ее призраков, и пробежала до самой Пятой авеню, после чего повернула в сторону центра. Такого с ней давно не случалось. Когда она вошла к себе домой, ее всю трясло.

Хоуп сняла пальто и долго стояла у окна, а когда повернулась, то увидела на мониторе компьютера утреннее письмо Финна и перечитала его. У нее не было ни сил, ни желания ему отвечать. Пережитые эмоции оставили ее без сил. Хоуп отвернулась от компьютера, вспомнила, что сегодня сочельник, и ей стало еще тяжелее. После развода она всеми силами старалась уберечься от воспоминаний, связанных с праздниками, особенно с Рождеством. Но сейчас, после того как она увидела счастливых ребятишек в парке, все, от чего она раньше пряталась, ударило по ней с новой силой. Пытаясь отвлечься, Хоуп включила телевизор, и тут же на нее обрушились рождественские песнопения в исполнении детского хора. Она горько рассмеялась, выключила телевизор и села за компьютер в надежде, что сочинение ответа Финну ее немного отвлечет. Она не знала, чем еще себя занять. Впереди была долгая и тоскливая ночь – как горный хребет, на который, хочешь не хочешь, а надо взбираться.

«Привет! У нас сочельник, а я в разобранном виде, – быстро набрала она. – Ненавижу Рождество! Сегодня меня навели призраки прошлых праздников. Чуть жива осталась. Надеюсь, вы с Майклом чудесно проводите время. Веселого Рождества! Хоуп». Она отправила письмо, но, перечитав, тут же пожалела – слишком оно показалось слезливым. Однако отменить отправку было уже невозможно.

В Лондоне была полночь, и Хоуп не ожидала ответа раньше завтрашнего дня – если он вообще придет. Поэтому она крайне удивилась, когда компьютер подал сигнал о полученном сообщении. Это был ответ от Финна.

«Скажи призраку прошлых рождественских праздников, чтобы убирался, и запри за ним покрепче дверь! В жизни важнее будущее, чем прошлое. Я тоже недолголюбиваю Рождество. Хочу тебя снова увидеть. И поскорее! Финн». Письмо было коротким и чуточку пугающим. Он хочет ее увидеть? К чему эта переписка? И главное – зачем она сама пишет ему? Этого она не могла себе объяснить, как не понимала она и того, чего ждет от Финна.

Она живет в Нью-Йорке, он – в Дублине. У каждого своя жизнь, свои интересы, он для нее лишь объект фотосъемки, не более. Но у нее из головы не шло то, что говорил ей Финн за ужином, и еще глаза, какими он на нее смотрел. Это было какое-то наваждение, и то же самое он сказал о ней. Хоуп чувствовала растерянность, но все же ответила на его послание, постаравшись сохранить деловой и непринужденный тон. Ей вовсе не хотелось затевать с Финном какой-нибудь подростковый роман по той лишь причине, что сейчас Рождество и ей одиноко. Она прекрасно понимала, что это будет большой ошибкой. К тому же он совсем не ее поля ягода, он человек международной известности, у его ног – все женщины мира. Ей не хотелось становиться одной из них, и еще меньше хотелось соперничества.

«Благодарю. Прости за слезливое послание. У меня все прекрасно. Просто праздничная хандра. Горячая ванна и крепкий сон помогут с этим справиться. Всего наилучшего! Хоуп». Она отослала почту и сразу почувствовала себя лучше. Ответ пришел сразу, и в нем сквозило некоторое раздражение.

«Для всякого человека старше двенадцати праздничная хандра – дело обычное. Но что означает это «Всего наилучшего»? Не надо так пугаться! Я тебя не съем, и я не призрак твоих прежних праздников. Ай-ай-ай! Выпей ка бокал шампанского. Всегда помогает. С любовью, Финн».

– Черт! – воскликнула она, прочтя письмо. – «С любовью» – подумать только! Полюбуйся теперь, что ты натворила! – сказала она себе и еще больше разнервничалась. Она решила не отвечать, но одному его совету последовала и налила себе шампанского. Всю ночь письмо так и висело на экране компьютера, и Хоуп его не замечала, но перед тем как идти спать, все же перечитала и решила, что все это ничего не значит и будет благоразумнее не отвечать. С этой мыслью она забралась в постель. «Утро вечера мудренее», – сказала себе Хоуп. Она повернулась, чтобы погасить свет, и взгляд ее упал на фотографии юной танцовщицы, развешанные на стене. Она долго смотрела на них, а потом выключила свет и зарылась головой в подушку.

Глава 5

Утром Хоуп действительно проснулась совсем в другом настроении. Пускай сегодня Рождество, но кто сказал, что этот день чем то отличается от других? Она позвонила на яхту Полу – единственная ее уступка Рождеству. У Пола все было в порядке, если не считать того, что в самолете он простудился, а это для него было чревато неприятными последствиями. Они пожелали друг другу счастливого Рождества, немного поболтали, избегая щекотливых тем, и на этом разговор закончился. Хоуп достала коробку с фотографиями, чтобы выбрать снимки для приближающейся выставки, и на несколько часов погрузилась в работу. Было уже два часа, когда она наконец оторвалась от дела и решила выйти на улицу. Еще раз бросила взгляд на висящую на мониторе почту от Финна и выключила компьютер. Нечего поощрять его поползновения и влезать в отношения, которые ей совсем не нужны.

Хоуп оделась и вышла. Погода была чудесная. Мимо спешили в гости люди, постояльцы отеля «Мерсер» совершали послеобеденную прогулку по городу. Хоуп прошла по Сохо и добрела до Гринвич-виллидж. День был солнечный, и вчерашний снег потихоньку начинал таять. Хоуп вернулась домой посвежевшая и еще немного поработала. В восемь вечера она собралась перекусить, но оказалось, что в доме нет еды. Хоуп решила было обойтись без ужина, но есть хотелось, и она решила сбегать в ближайшую лавку и взять сэндвич и суп. Сегодня настроение у нее уже было не такое мрачное. На завтрашний день она запланировала посещение галереи в Верхнем Ист-Сайде, чтобы обсудить предстоящую выставку. Хоуп надела пальто, с облегчением подумав о том, что еще один год подходит к концу.

В магазине она обратила внимание на выложенных рядом аппетитных фаршированных индеек – главное блюдо рождественского ужина, особенно привлекательного в готовом варианте для холостяков.

Она взяла сэндвич с индейкой и клюквенным желе и баночку куриного супа. Продавец знал Хоуп и поинтересовался, как она встретила Рождество.

– Отлично, – ответила Хоуп с улыбкой. Мужчина внимательно посмотрел в ее фиалковые глаза. По тому, что покупала эта женщина, нетрудно было догадаться, что она живет одна. И наверняка мало ест – она была такой худенькой, даже хрупкой.

– А кусочек пирога не желаете? – На его взгляд, ей не мешало немного поправиться. – Яблочного? Тыквенного?

Она покачала головой, но взяла порцию ромового мороженого – своего любимого. Хоуп расплатилась, поблагодарила, пожелала продавцу счастливого Рождества и вышла. Она поспешила домой, пока не остыл суп, а мороженое, наоборот, не растаяло. Хоуп поднялась по ступенькам. Возле двери спиной к ней стоял мужчина и изучал таблички с фамилиями жильцов. В тусклом свете он, ссутулившись, вглядывался в таблички, и Хоуп пришлось подождать, пока можно будет открыть подъезд ключом. Мужчина обернулся, и Хоуп ахнула – это был Финн, в черной вязаной шапочке, в теплом черном пальто. Он посмотрел на нее и радостно улыбнулся. От улыбки лицо его словно светилось.

– А, ну теперь все проще. Я чуть не ослеп, разбирая фамилии. Очки в самолете оставил. – Он сдернул шапочку.

– Что ты тут делаешь? – растерянно спросила она. От изумления она не могла прийти в себя, но невольно отметила, что убрала из обращения вежливое «вы».

– Ты вчера не ответила на мое послание, я решил приехать и лично выяснить почему. – В нем не чувствовалось никакого напряжения, наоборот, он держался очень непринужденно. Они молча стояли перед входной дверью, наконец Финн взял из ее рук пакет. Хоуп все еще не могла справиться с волнением. Она не понимала, зачем он приехал, не знала, что ей теперь делать. Она была напугана и раздражена дерзостью его поступка.

– Осторожно, не пролей, там суп, – проговорила она и умолкла, не зная, что сказать, потом, опомнившись, спросила: – Не хочешь подняться? – Не могла же она оставить его на улице!

– С удовольствием! – просиял он, но лицо Хоуп оставалось непроницаемым. Сейчас, разговаривая с Финном у своего подъезда, она впала в панику. Он ворвался в ее жизнь, не спросив ее согласия, свалился ей на голову, не считаясь ни с ее желаниями, ни с ее планами. Но тут Финн ласково взглянул на нее. Он уже понял, что она расстроена. – Злишься, что я прилетел? – забеспокоился он, и ветер лохматил ему волосы.

– Да нет, просто я не понимаю, зачем ты это сделал.

– Мне все равно надо было повидаться со своим агентом и переговорить с издателем. И, честно говоря, ужасно захотелось тебя увидеть. Я все время думаю о тебе, хочу говорить с тобой, видеть тебя.

Хоуп смущенно улыбнулась, отперла дверь и подумала, что надо бы сбегать еще раз в лавку, чтобы купить какую-нибудь приличную еду. Она была совершенно растеряна. И что ей делать теперь – чувствовать ли себя польщенной или сердиться на него за внезапное, без всякого предупреждения, вторжение. Импульсивный мужчина, но до чего обаятелен! Разве можно на такого долго сердиться? Пока они поднимались по лестнице, первоначальный испуг Хоуп прошел.

Хоуп открыла дверь и пригласила Финна в квартиру. Взяв из его рук пакет, она сразу же поспешила на кухню – к холодильнику, чтобы спасти мороженое. Когда она вернулась к Финну, он разглядывал фотографии на стенах.

– В жизни не видел такой красивой танцовщицы! – восхитился он, внимательно вглядываясь в каждый снимок, потом перевел озадаченный взгляд на Хоуп. – А она на тебя похожа. Или это ты и есть? – Хоуп покачала головой и пригласила его сесть. Предложила бокал вина, но О’Нил отказался. Он изучал ее жилище, не перегруженное мебелью, полное воздуха и света. Хоуп зажгла свечи, после чего устроилась на диване. Лицо ее выражало явное неодобрение.

– Насколько я помню, я не давала тебе повода приехать, – сдержанно произнесла она, хотя еще не пришла в себя от того, что Финн у нее в доме. Она ругала себя за то, что каким то неосторожным словом могла невольно его спровоцировать, но как ни пыталась, не могла вспомнить, что бы это было.

– У тебя был такой грустный голос. И я соскучился, хотя и сам удивлен этим обстоятельством, – признался он. – Все равно в ближайшее время мне надо было лететь в Нью-Йорк, и я решил, почему бы не сделать это теперь, пока я не сел за новую книгу. Потом уж точно никуда лететь не захочется. А когда сегодня утром уехал Майкл, я и сам загрустил, тем более что он отбыл раньше времени. Да не волнуйся ты! Я не затем приехал, чтобы склонять тебя к чему-то предосудительному. – Хоуп прекрасно понимала, захоти он – и толпы женщин будут у его ног. Она просто не могла понять, что ему нужно от нее. Она предложила Финну сэндвич, но тот с улыбкой отказался. Его приезд был очень импульсивным поступком, и Хоуп одновременно чувствовала себя и польщенной, и напуганной. Скорее всего, и то и другое.

– Я не голоден. В самолете отлично кормили. Но я посижу с тобой, пока ты ешь.

Как-то глупо было жевать перед ним свой сэндвич, пока он сидит и ничего не ест, поэтому Хоуп решила с этим повременить. Зато от тарелки супа и мороженого Финн не отказался. Когда дело дошло до мороженого, все страхи Хоуп куда-то исчезли, и она уже смеялась над его рассказами. Напряжение незаметно отпустило ее. И все же странно было видеть О’Нила в своей квартире непринужденно развалившимся на диване.

Неожиданно Финн снова спросил ее про балерину.

– Почему у меня такое чувство, будто это ты? – Это было тем более удивительно, что девушка на снимках была блондинкой, а Хоуп – брюнеткой. Но между ней и юной тан-

цовщицей явно улавливалась связь, и внешнее сходство было налицо. Тогда Хоуп набрала побольше воздуха и сказала то, чем совершенно не собиралась с ним делиться:

– Это моя дочь Камилла.

– Ты меня обманула! – с обидой в голосе произнес О’Нил. – Ты ведь говорила, что у тебя нет детей!

– У меня их и нет, – тихо ответила Хоуп. – Она умерла три года назад, ей было девятнадцать.

– Прости меня, ради бога! – Потрясенный, Финн легко коснулся ее руки.

– Все в порядке. – И Хоуп снова произнесла свою излюбленную фразу: – Тогда – это тогда, а теперь – это теперь. – Так ее научили монахи в Тибете. – Проходит время, и привыкаешь с этим жить.

– Какая красивая девочка! – восхищенно проговорил Финн, вновь вглядываясь в фотографии. Потом перевел взгляд на Хоуп. – А что с ней случилось?

– Она училась в колледже. В Дартмуте, где преподавал мой отец, когда я была девчонкой. Его уже давно нет... Как-то утром звонит мне дочь и говорит, что подхватила грипп. Голос у нее и впрямь был ужасный. Соседка по общежитию отвезла ее в больницу, а через час они мне перезвонили. У нее оказался менингит. Я говорила с ней, голос был совсем слабый. Я скорей в машину, к ней – а я тогда жила в Бостоне. Пол поехал со мной. Мы не успели, она умерла за полчаса до нашего приезда. Врачи ничего не смогли сделать. Вот так стремительно все произошло. – Хоуп говорила, а по щекам ее медленно катились слезы, однако лицо ее было бесстрастным. Финн был потрясен и растерян. История произвела на него сильное впечатление. – В летние месяцы она танцевала в Нью-Йоркском театре балета. Сначала она думала целиком посвятить себя балету и не поступать в колледж, но сумела совместить то и другое. В театре ей давно предлагали постоянную ставку, после диплома или раньше – только скажи. Она была балерина от бога! – Потом добавила: – Мы называли ее Мими. – Хоуп продолжила едва слышно: – Мне ее так не хватает! Ее смерть стала для ее отца страшным ударом. Мими была для него последней соломинкой. К тому времени Пол уже несколько лет как был болен и выпивал тайно от меня. Когда Мими не стало, он страшно запил – пил три месяца кряду. Потом один из его коллег по Гарварду уговорил его лечь в клинику, после чего Пол бросил пить. Но он еще до этого принял решение, что не станет больше со мной жить. Может, наша совместная жизнь возвращала его к мыслям о дочери, о нашей утрате. Пол продал бизнес, купил яхту и ушел от меня. Сказал, что не хочет, чтобы я сидела и ждала его смерти, что я достойна лучшей участи. Но на самом деле смерть Мими стала для нас обоих таким ударом, что наш брак просто утратил смысл. Мы поддерживаем дружеские отношения, но всякий раз, как видимся, неизбежно думаем о нашей дочери. Он подал на развод, а я уехала в Индию. Мы по-прежнему любим друг друга, но мне кажется, Мими мы оба любили сильнее. С ее уходом от нашего брака ничего не осталось. Мы словно умерли вместе с нею. Пол уже не тот человек, каким был, да и я, наверное, тоже. Трудно пережить такое и остаться прежним. Вот и вся история, – печально закончила она. – В Лондоне я не хотела тебе об этом рассказывать. Ни Пол, ни я обычно не говорим об этом с посторонними. Слишком больно вспоминать. Без нее моя жизнь очень изменилась – да нет, она стала совсем другой. Теперь она целиком посвящена работе. Ни для чего другого просто нет места. Я люблю свое дело, и это помогает.

– Боже мой! – прошептал Финн. Глаза его увлажнились. Сочувствуя Хоуп, он не мог не думать о собственном сыне. – Даже представить не могу, через что вы с мужем прошли. Я бы не вынес!

– Да и мы вынесли с трудом, – согласилась она, а Финн подошел и, присев рядом, обнял ее за плечи. Хоуп не возражала. Ей было легче чувствовать рядом другого человека. Она терпеть не могла говорить на эту тему и очень редко это делала, хотя на снимки на сте-

нах смотрела каждый вечер и думала о дочери непрестанно. – Мне очень помогла Индия. И Тибет. Я набрела на удивительный монастырь в Гандене, и наставник у меня был необыкновенный. Это он помог мне примириться с моим горем. У нас же действительно нет выбора.

– А муж? Как он теперь это воспринимает? Пьет?

– Нет, но за последние три года Пол очень постарел и физически сильно сдал. Трудно сказать, что его больше сломило – смерть Мими или болезнь. Но Пола спасает яхта, там он отдыхает душой. А я, когда вернулась из Индии, купила этот лофт, правда, я много езжу и дома бываю нечасто, да и запросы у меня скромные. Без Мими жизнь потеряла для меня всякий смысл. Она была для нас свет в окошке, и, когда ее не стало, мы совершенно растерялись. – Отголоски пережитого горя слышались и в ее фотоработах. Хоуп остро воспринимала людское страдание, и это отражалось в том, кого и как она снимала.

– Но ты еще полна сил, можешь снова выйти замуж и завести ребенка, – мягко проговорил Финн. Он не знал, чем ее утешить. Как утестишь мать, потерявшую единственного ребенка? То, что он услышал, его потрясло, и Финн не представлял, как можно облегчить страдания Хоуп.

– Формально ты прав – я еще не старуха, но это все слова, не имеющие ничего общего с реальностью. Я не могу представить себя в новом браке, у меня со дня развода даже ни одного свидания ни с кем не было. Я не встретила ни одного мужчину, который бы меня заинтересовал, да я и сама к этому не готова. Мы всего два года как в разводе, а Мими нет уже три года. Хватит с меня утрат! А если когда-нибудь я встречу человека, с которым захочу связать свою жизнь, начинать все сначала будет уже поздно. Сейчас мне сорок четыре, боюсь, что думать о детях и сейчас уже поздно. Так что никаких планов относительно своей личной жизни я не строю.

– Понимаю, но тебе ведь еще жить да жить! Нельзя же до скончания дней оставаться одной, ты достойна лучшего. Ты красивая женщина, Хоуп, у тебя столько лет впереди. Нельзя вот так взять и закрыть дверь в мир.

– Если честно, я об этом не думаю. Стараюсь не думать. Просто встаю утром и радуюсь новому дню. А в моем случае это уже немало. И всю себя отдаю работе.

Это было очевидно и без слов. Финн молча обнял ее и прижал к себе. Ему захотелось защитить ее от всех мирских невзгод и печалей. Его объятия не испугали Хоуп, а наоборот, вернули ей равновесие и покой. Ее уже давно никто не обнимал. Она уже и не помнила, когда это было в последний раз. Хоуп вдруг осознала, что она рада приезду О’Нила. Она его почти не знает, но это и неважно – его появление стало для нее своего рода неожиданным рождественским подарком.

Финн долго не размыкал объятий, а Хоуп и не делала попыток освободиться. Как хорошо сидеть вот так и ничего не говорить! Потом он медленно выпустил ее из объятий. Хоуп поднялась и пошла заварить чай и налить бокал вина Финну. Хоуп вдруг забеспокоилась, не проголодался ли ее гость, ведь он проделал неблизкий путь. Для него время было уже совсем позднее, по лондонскому времени – далеко за полночь.

– Может, сделать яичницу? У меня просто в доме больше ничего нет, я ведь не ждала гостей.

– Я понимаю, звучит довольно странно, – проговорил Финн, – но я бы, несмотря на позднее время, съел чего-нибудь китайского. Здесь поблизости ничего такого нет? – По случаю Рождества многие заведения сегодня были закрыты, но один китайский ресторан, как раз по соседству, работал. Хоуп позвонила и узнала, что они еще открыты, но доставки на дом не делают.

– Пойдем? – предложила она.

– А ты не против? Если ты устала, я могу сходить один, хотя мне было бы приятнее с тобой. – Она улыбнулась, и Финн снова приобнял ее за плечи. У него было такое чувство, словно этим вечером между ними произошло что-то важное. То же самое испытывала и Хоуп.

Они оделись и вышли из дому. Было уже около одиннадцати, сильно подмораживало. Они энергичным шагом дошли до ресторана. В зале было на удивление многолюдно. Обстановка царила оживленная и шумная, в воздухе витали специфические запахи китайской еды, на кухне перекрикивались повара, и Финн с удовлетворенной улыбкой опустился на стул.

– Это то, что нам нужно. – Вид у него был абсолютно счастливый. У Хоуп тоже настроение поднялось.

Хоуп сделала заказ для них обоих, поскольку хорошо знала местную кухню, их быстро обслужили, и оба принялись за еду. Она с удивлением обнаружила, что тоже порядком проголодалась. За непринужденной беседой они незаметно и быстро расправились с едой. Ни Финн, ни Хоуп больше не возвращались к печальной теме. Ужин в китайском ресторанчике оказался на удивление приятным завершением Рождества.

– Да, пожалуй, это получше, чем индейку жевать, – хмыкнула Хоуп, доедая свинину, а Финн тем временем расправлялся с креветками. Он улыбнулся.

– Пожалуй, не самый плохой рождественский ужин. Особенно в такой компании. – Он взглянул на нее с нежностью. Теперь, когда Финн знал, через что ей пришлось пройти, он смотрел на Хоуп другими глазами и испытывал к ней особенно теплое чувство. Теперь в его глазах она была беззащитной и страшно одинокой.

– А где ты остановился? – поинтересовалась Хоуп.

– Обычно я останавливаюсь в «Пьере», – ответил Финн, откидываясь на спинку стула. Он был сыт, доволен и смотрел на нее с улыбкой. – Но в этот раз я снял номер в «Мерсере», поближе к твоему дому. – Он и вправду приехал в Нью-Йорк, чтобы повидаться с нею! Хоуп не ждала такого натиска, но сейчас он уже не вызывал в ней недовольства. Ей было хорошо с Финном. И почему-то в том, что они вместе, был свой смысл. Они едва знакомы, но их уже связывает что-то настолько сильное, что она даже рассказала ему про Мими.

– Неплохой отель, – заметила она, стараясь держаться непринужденно. Она еще никак не могла найти нужную интонацию в разговоре с ним и бросалась из крайности в крайность.

– Да мне, в общем-то, все равно, какой у меня номер, – улыбнулся Финн. – Мне главное было повидать тебя. Спасибо, что простила мне эту дерзость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.